

Социальная история науки

Social History of Science

DOI: 10.31857/S020596060009436-1

«ДЕЛО ПРОФЕССОРА В. М. ДАНЧАКОВОЙ», ИЛИ НЕПРОСТЫЕ ГОДЫ РУССКОЙ АМЕРИКАНКИ В СТРАНЕ СОВЕТОВ*

ФАНДО Роман Алексеевич — *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14; E-mail: fando@mail.ru*

© Р. А. Фандо

В статье рассмотрена кампания травли, которая была развернута в отношении известного гистолога В. М. Данчаковой во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг. со стороны ряда советских биологов. Родившаяся в 1877 г. в Санкт-Петербурге, она получила образование в Лозаннском университете, вернулась в Россию в 1903 г. и в 1907 г. в Императорской военно-медицинской академии защитила диссертацию на степень доктора медицины. После этого она неоднократно пыталась получить должность доцента и профессора в Московском университете, но не была утверждена Министерством народного просвещения. В 1914 г. Данчакова выехала с дочерью в США по рокфеллеровской программе и прошла научную стажировку в области экспериментальной эмбриологии. В 1926 г. по приглашению заместителя наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровского она переехала в Москву, где была принята в штат Государственного научно-исследовательского института им. К. А. Тимирязева. Столкнувшись с отсутствием необходимых условий для проведения научных исследований, Данчакова на собственные средства закупила необходимое оборудование и организовала птичий питомник. При ее непосредственном участии начинается строительство помещения лаборатории экспериментального морфогенеза в Останкине. В 1930 г., как и во многих научных учреждениях, в Тимирязевском НИИ начинается чистка кадров. Против Данчаковой начинают выступать сотрудники института, обвиняя ее в антисоветской пропаганде, низкой научной квалификации и плагиате. Травля профессора достигла апогея в 1931 г., в связи с чем Данчакова обратилась к И. В. Сталину с просьбой разобраться в сложившейся ситуации. «Дело В. М. Данчаковой» рассматривалось на Политбюро ЦК ВКП(б) и разбиралось членами Центральной контрольной комиссии ВКП(б), в том числе такими государственными деятелями, как Е. М. Ярославский,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00563.

А. С. Бубнов, М. С. Эпштейн. Партийное руководство относилось с большей симпатией к Данчаковой, чем ее коллеги, которым не давали покоя ее независимость и умение находить покровителей в высших эшелонах власти. Несмотря на обвинения ее в научной некомпетентности, превышении своих полномочий, антисоветской пропаганде, ЦК ВКП(б) постановил создать необходимые условия для продолжения начатых Данчаковой экспериментов. Однако после очередной зарубежной командировки 1932 г. ей было отказано в получении визы на въезд в СССР по настоянию наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова.

Ключевые слова: В. М. Данчакова, Е. М. Ярославский, А. С. Бубнов, наука и власть, лаборатория экспериментального морфогенеза ГНИИ им. К. А. Тимирязева, Наркомат просвещения РСФСР, Центральная контрольная комиссия ВКП(б), научная эмиграция.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2020 г.

“THE CASE OF PROFESSOR V. M. DANCHAKOVA”, OR THE DIFFICULT YEARS OF A RUSSIAN AMERICAN IN THE COUNTRY OF THE SOVIETS

FANDO Roman Alekseevich — *S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences; Ul. Baltiyskaya, 14, Moscow, 125315, Russia; E-mail: fando@mail.ru*

© R. A. Fando

Abstract: The paper describes a harassment campaign deployed by a number of Soviet biologists against a prominent histologist, V. M. Danchakova (Dantchakoff), from the mid-1920s throughout the first half of the 1930s. Born in St. Petersburg in 1877, she was educated at the University of Lausanne, returned to Russia in 1903 and defended her dissertation for the Doctor of Medicine degree at the Imperial Military Medical Academy in 1907. Since then she had several times tried to get a docent and a professor position with Moscow University but failed to be approved by the Ministry of Public Education. In 1914, Vera Danchakova moved to the USA with her daughter under the Rockefeller Program, where she completed a fellowship in experimental embryology. In 1926, she moved to Moscow on an invitation from the Deputy RSFSR People's Commissar of Education, M. N. Pokrovskii. In Moscow she was given a payroll job with the K. A. Timiryazev State Research Institute. Having encountered the lack of suitable conditions for conducting research, Danchakova purchased the necessary equipment with her own money and organized an aviary for keeping and raising birds. It was with her direct involvement that the construction of the Laboratory of Experimental Morphogenesis began in Ostankino. In 1930, like in many other research institutions, the purge of the staff begins at the Timiryazev Research Institute. Her fellow staff members begin to go after Danchakova, accusing her of anti-Soviet propaganda, poor scientific competence, and plagiarism. In 1931, the badgering of the professor reached its peak, which led to Danchakova's appealing to J. Stalin, asking him

to address this situation. “The case of V. M. Danchakova” was heard at the meeting of Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and examined by the members of the Central Control Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), including the prominent statesmen such as E. M. Yaroslavskii, A. S. Bubnov, and M. S. Epshtein. The Party leaders were better inclined towards Danchakova than her own colleagues who resented her independence and ability to find supporters in the highest echelons of power. Despite the accusations of scientific incompetence, abuse of authority, and anti-Soviet propaganda, the Central Committee resolved to provide necessary conditions for the continuation of Danchakova’s experiments. However, after her yet another international secondment in 1932, she was denied the entry visa to the USSR at the urging of the RSFSR People’s Commissar of Education, A. S. Bubnov.

Keywords: V. M. Danchakova (Dantchakoff), E. M. Yaroslavskii, A. S. Bubnov, science and power, Laboratory of Experimental Morphogenesis at the K. A. Timiryazev State Research Institute, RSFSR People’s Commissariat of Education, Central Control Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), scientific emigration.

For citation: Fando, R. A. (2020) “Delo professora V. M. Danchakovoi”, ili neproste gody russkoi amekikanki v Strane Sovetov [“The Case of Professor V. M. Danchakova”, or the Difficult Years of a Russian American in the Country of the Soviets”], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 41, no. 2, pp. 244–279, DOI: 10.31857/S020596060009436-1.

Имя Веры Михайловны Данчаковой, эмбриолога и гистолога, вплоть до недавнего времени было сравнительно малоизвестно среди историков науки и биологов. Первые работы, посвященные анализу ее биографии и научного наследия, появились относительно недавно ¹, это можно объяснить тем, что она долгое время жила в эмиграции. Между тем вклад Данчаковой в науку весьма значителен: она изучала происхождение клеток крови, дифференциацию тканей и органов в процессе эмбрионального развития животных, образование половых клеток, влияние гормонов на развитие организмов. Ей принадлежит открытие роли стволовых клеток в закладке новых тканей, доказательство внегонадного происхождения первичных половых клеток у птиц, разработка методов пересаживания тканей на живые эмбрионы.

¹ Помелова М. А. Экспериментально-морфологические исследования онтогенеза в лабораториях В. М. Данчаковой и Ю. Ю. Шакселя // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2008 / Отв. ред. А. В. Постников. М.: ИДЭЛ, 2009. С. 153–156; Одинцова И. А., Русакова С. Э., Гаджиев С. З., Кузеньязов А. А. Доктор медицины – гистолог Вера Михайловна Данчакова (к 140-летию со дня рождения) // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2017. Т. 59. № 3. С. 257–261; Одинцова И. А., Русакова С. Э. В. М. Данчакова – незаслуженно забытое имя // Морфология. 2019. Т. 156. № 6. С. 111–112; Алексеева М. С., Русакова С. Э. Половые клетки и половые железы: что первично? // Известия Военно-медицинской академии. 2019. Т. 1. № S1. С. 6–9.

*В. М. Данчакова (не позднее 1916 г.)
(из личного архива М. М. Лаврентьева,
печатается впервые)*

Родилась Вера Михайловна Данчакова (в девичестве Григорьевская) (9) 21 марта 1877 г. в Санкт-Петербурге в семье статского советника. Здесь в 1894 г. она окончила Литейную женскую гимназию, в 1897 г. — Санкт-Петербургские педагогические курсы ². В том же году из-за невозможности получить университетское образование на родине Данчакова переезжает в Швейцарию и поступает на медицинский факультет Лозаннского университета, где начинает свои первые научные исследования: изучение слуховых путей и гистологического строения эпифиза рептилий ³. Первую из этих работ она представила в университет на соискание степени доктора медицины, за вторую получила университетскую премию де Серенвилля. В Швейцарии она познакомилась со студентом медицинского фа-

культета Лозаннского университета Евгением Федоровичем Данчаковым, в 1900 г. они зарегистрировали брак в российском посольстве в Швейцарии ⁴. В 1902 г. у них родилась дочь, которую назвали тоже Верой.

По возвращении домой Данчакова сдает в 1903 г. экзамены на степень врача в Императорском Харьковском университете, после чего

² Curriculum vitae // Данчакова В. М. К вопросу о нейрофибрилярном аппарате нервных клеток и его изменениях при бешенстве: экспериментальные исследования: дис. ... д-ра мед. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. С. 84–85.

³ Dantchakoff, W. Recherches expérimentales sur les voies acoustiques // Bulletin de l'Académie royale de médecine de Belgique. 4e série. 1902. T. 16. P. 240–261; Dantchakoff, W. Recherches sur l'épiphyse des lézards (Lacerta viridis). Lausanne: Université de Lausanne, 1902.

⁴ Сведения о бракосочетании взяты из метрических записей и представлены М. М. Лаврентьевым, правнуком В. М. Данчаковой. Евгений Федорович Данчаков (1875–1968) — врач, окончил кадетский корпус в Киеве (1892) и медицинский факультет Лозаннского университета в Швейцарии (1902). Младший врач 23-й артиллерийской бригады в Гатчине, с 1909 г. — младший врач Сибирского флотского экипажа, с 1912 г. — I Балтийского флотского экипажа, с 1913 г. — Кронштадтского флотского экипажа. В Первую мировую войну руководил санитарным обеспечением русских технических отрядов в Сербии. Эмигрировал в Сербию, где с 1921 по 1924 г. работал в военной больнице города Петроварадина. С 1925 г. — врач в Панчевском госпитале-санатории Российского общества Красного Креста (РОКК), с 1928 по 1945 г. — в амбулатории РОКК в Белграде. Спасаясь от преследования карательных органов, выехал в Австралию, где прожил оставшиеся годы.

переезжает в Петербург, где в 1903–1904 гг. числится практиканткой в патолого-анатомическом отделе Императорского института экспериментальной медицины (ИИЭМ). Там она занималась исследованием циррозной печени кроликов, у которых перерождение и омертвление печеночных клеток вызывалось искусственно путем инъекций токсинов золотистого стафилококка ⁵.

В 1904/05 учебном году Данчакова сдала экзамен на степень доктора медицины в Императорской военно-медицинской академии. Начиная с 1905 г. она работала в Екатеринославской губернской земской больнице, сначала в качестве помощницы прозектора с обязанностью работать на пастеровской станции и преподавать нормальную анатомию в фельдшерской школе, а с 1906 г. — в должности заведующего лабораторией больницы. Именно в Екатеринославле она поставила серию опытов на кроликах, искусственно заражая их бешенством. Изучая гистологическое строение спинного мозга у здоровых и больных животных, Данчакова пришла к выводу, что из-за болезни всегда видоизменяются нейрофибриллы, но степень их преобразования зависит от длительности протекания заболевания.

Результаты данного исследования легли в основу диссертации на степень доктора медицины, которую Данчакова успешно защитила в 1907 г. в Императорской военно-медицинской академии ⁶. В 1908 г. на медицинском факультете Московского университета она прочитала лекцию на соискание звания приват-доцента по кафедре гистологии. Совет факультета признал ее достойной искомого звания и предложил начать читать лекции с осени текущего года, но министр народного просвещения А. Н. Шварц не утвердил ее кандидатуру ⁷. Шварц был противником женского образования и в 1908 г. разослал циркуляры, запрещающие прием женщин в университеты. В том же году Данчакова написала на него в Сенат жалобу в связи с притеснениями не только ее, но и всех российских женщин.

В 1914 г. она получила стипендию Фонда Рокфеллера для стажировки в США. Вместе с дочерью Данчакова переезжает за океан и обучается в крупнейших научных центрах Нью-Йорка: Рокфеллеровском институте медицинских исследований и Колумбийском университете.

Вернуться на родину Данчаковой предложил М. Н. Покровский ⁸, который сетовал на то, что в Советском Союзе не хватает

⁵ Данчакова В. М. Об экспериментальном циррозе печени // Русский врач. 1905. № 8. С. 1–14.

⁶ Данчакова. К вопросу о нейрофибрилярном аппарате нервных клеток...

⁷ Ариян П. Н. Первый женский календарь на 1909 г. СПб.: Скоропечатня «Труд», 1909.

⁸ Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) — советский общественный и политический деятель, академик АН СССР (1929). С 1918 г. и до конца жизни работал заместителем наркома просвещения РСФСР, неоднократно избирался членом Всероссийского центрального исполнительного комитета и Центрального исполнительного комитета СССР. Активно развивал идеи трудовой школы и всеобщего образования, был идеологом реорганизации высшей школы, архивного и библиотечного дела на коммунистических началах.

экспериментальных эмбриологов, а предлагаемые Данчаковой направления исследований представляли большой интерес для фундаментальной науки и медицины⁹. Кроме того, Покровский предложил дочери Данчаковой В. Е. Гроздовой¹⁰ поступить в аспирантуру и продолжить начатую в Колумбийском университете работу.

В 1926 г. Данчакова переезжает в СССР и начинает знакомиться с нужными ей руководителями госаппарата для того, чтобы получить помощь и поддержку в организации собственной научной лаборатории. Она прекрасно понимала, что в Советском Союзе вопросы решали не деньги, а полезные связи. Вот как вспоминает свое знакомство с Данчаковой В. А. Костицын¹¹, в то время заведующий отделом научной литературы Наркомпроса РСФСР:

Первым делом сделала мне подарок: stylo¹² американской фабрики; я резко отказался, и она с недоумением сказала: «Я побывала у Луначарского¹³, у Петрова¹⁴, у Яковлевой¹⁵, и все они взяли, а Вы сопротивляетесь; нехорошо с Вашей стороны», – и сунула стило мне в карман. Затем: «Я слышала, что Вы – ученый; как хорошо, что ученые идут с советской властью и есть ученые

⁹ [Письмо В. М. Данчаковой И. В. Сталину, 23 апреля 1932 г.] // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 5–12.

¹⁰ Вера Евгеньевна Гроздова (урожденная Данчакова) (1902–1995) – дочь В. М. Данчаковой. Родилась в 1902 г. в Цюрихе, где стажировалась ее мать. В 1915 г. была вывезена в США, где прожила 11 лет и получила биологическое образование в Колумбийском университете. В 1922 г. в Нью-Йорке вышла замуж за И. Е. Гроздова. Вернувшись в 1928 г. на родину, продолжила начатые за рубежом исследования. В 1928 г. вышла замуж за математика М. А. Лаврентьева, в будущем основателя Сибирского отделения АН СССР и новосибирского Академгородка. После замужества стала носить фамилию Лаврентьева.

¹¹ Владимир Александрович Костицын (1883–1963) – революционер, математик, астрофизик, политический деятель. В студенческие годы участвовал в революционных событиях 1905–1907 гг., был членом боевой организации РСДРП. С 1919 г. – доцент физико-математического факультета МГУ, был одним из организаторов Государственного астрофизического института. В 1928 г. выехал во Францию и принял решение не возвращаться на родину.

¹² В данном случае стило – перьевая ручка.

¹³ Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) – советский государственный деятель. С 1917 по 1929 г. работал наркомом просвещения РСФСР. Осенью 1929 г. назначен председателем Ученого комитета при ЦИК СССР. Академик АН СССР (1930).

¹⁴ Федор Николаевич Петров (1876–1973) – советский государственный, партийный и научный деятель. В 1923–1927 гг. – начальник Главного управления научных и учебных заведений (Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР. В 1929–1933 гг. – председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), в 1934–1952 гг. – директор НИИ музееведения и краеведения Наркомпроса РСФСР.

¹⁵ Варвара Николаевна Яковлева (1885–1941) – советский партийный работник. С 1918 по 1919 г. была председателем Петроградской ЧК, с 1919 по 1920 г. работала в Народном комиссариате продовольствия РСФСР, затем участвовала в Гражданской войне, с 1922 по 1929 г. работала в Наркомате просвещения РСФСР заведующей Главным управлением профессионального образования, затем зам. наркома просвещения, в 1929–1937 гг. – нарком финансов РСФСР.

коммунисты; Вы, вероятно, не единственный», – и она была очень удивлена и разочарована, узнав, что я – беспартийный. «Странно, странно», – повторила несколько раз. Далее: «Вы, наверное, женаты? Как Вы живете? Я хотела бы побывать у Вас, познакомиться с Вашей женой... Послушайте, пригласите меня на обед». Что было делать? Я пригласил, – тем более что и нам самим было интересно поговорить с ней ¹⁶.

Вскоре состоялся визит Данчаковой, после которого Костицына вызвал начальник Главнауки Ф. Н. Петров, чтобы обсудить планы организации для нее новой лаборатории ¹⁷. Было решено устроить Данчакову в Государственный научно-исследовательский институт им. К. А. Тимирязева ¹⁸, директором которого был лояльный и интеллигентный С. Г. Навашин. Тимирязевский институт был создан с целью внедрения марксистско-ленинской идеологии в естествознание, поэтому в нем, кроме настоящих ученых, было достаточно много людей без всякой квалификации, не имеющих никакого опыта научной работы. Чтобы исправить такое положение дел, Главнаука пыталась привлечь в институт настоящих ученых со значительным числом научных публикаций.

Навашин согласился взять Данчакову в институт и начал ходатайствовать перед Главнаукой о выделении под новую лабораторию двух комнат и штатной единицы с окладом 60 руб., на которую планировалось пригласить Веру Владимировну Тальгрэн ¹⁹, кандидатуру которой предложила сама Данчакова ²⁰. В этот же год в штат института была принята бывшая революционерка О. Б. Лепешинская ²¹, кото-

¹⁶ Костицын В. А. «Мое утраченное счастье...» Воспоминания, дневники. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Т. 2. С. 19.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Первоначально был создан как Центральная биологическая станция Главнауки Наркомпроса РСФСР (1921–1922), в 1922–1924 гг. – Государственный научно-исследовательский биологический институт им. К. А. Тимирязева, в 1924–1930 гг. – Государственный научно-исследовательский институт по изучению и пропаганде научных основ диалектического материализма им. К. А. Тимирязева, в 1930–1932 гг. – Биологический институт им. К. А. Тимирязева при Ассоциации институтов естествознания Комакадемии, 1932–1936 гг. – Биологический институт им. К. А. Тимирязева при Ученом комитете ЦИК СССР, в июне – декабре 1936 г. – Институт общей биологии им. К. А. Тимирязева АН СССР.

¹⁹ В письме фамилия Тальгрэн ошибочно написана как Дальгрэн.

²⁰ [Письмо начальнику Главного управления научными учреждениями от директора Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института С. Г. Навашина. Исх. № 1072, 13 мая 1926 г.] // Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 356. Оп. 1. Д. 62. Л. 112.

²¹ Ольга Борисовна Лепешинская (1871–1963) – революционерка и советский биолог, академик АМН СССР (1950), сторонница учения о превращении неживого вещества в живую клетку (теория «живого вещества»). С 1898 г. член РСДРП, после раскола партии примкнула к большевикам. В 1903 г. эмигрировала с мужем в Швейцарию, где училась на медицинском факультете Лозаннского университета. В 1915 г. окончила медицинский факультет Московского университета. С 1919 г. занималась научной работой в области гистологии.

рой тоже пообещали заведование гистологической лабораторией. Двум энергичным и амбициозным женщинам выделили на две лаборатории четыре комнаты на нижнем этаже института в доме 48 по Пятницкой улице ²².

Данчакова не захотела ютиться в комнатах, не приспособленных для ведения научной работы, поэтому поставила вопрос о выделении ей других помещений. Дирекция не стала сопротивляться и отправила в Главнауку письмо с просьбой выделить комнаты для гистологических исследований на втором этаже института, а не на первом ²³. Заместителю Навашина по хозяйственным вопросам С. С. Перову ²⁴ приходилось часто выслушивать требования Данчаковой по улучшению материальной базы ее лаборатории. Костицын вспоминал, что Перов был крайне нелюбезен с американской гражданкой, а ее сотрудницу Тальгрэн укорял за принадлежность к богатой финской семье ²⁵.

В мае 1926 г. Данчакова была избрана действительным членом Тимирязевского института и получила от Главнауки первоначальные средства для покупки необходимого оборудования; для проведения исследований средств у института пока еще не было. Данчакова обратилась по этому поводу к своему руководству ²⁶, но оно только предложило ей присоединиться к одному из экспериментальных отделов института и получить некоторую субсидию из его средств ²⁷.

Данчаковой пришлось поднять этот вопрос в вышестоящих инстанциях. В октябре 1926 г. из Главнауки в институт пришло письмо, в котором сообщалось, что на обеспечение работы лаборатории экспериментального морфогенеза дополнительно ассигновывается 500 руб. на приобретение оборудования и 100 руб. на текущие расходы ²⁸. Навашин отправил в Главнауку ответ, что бюджет института на следующий год сокращен, поэтому его руководство лишено возможности выделить Данчаковой 500 руб. для приобретения оборудования,

²² До революции это здание принадлежало купцу I гильдии, владельцу мануфактур, московскому городскому голове С. Л. Лепешкину. В настоящее время здесь располагается Институт астрономии РАН.

²³ [Письмо начальнику Главнауки Ф. Н. Петрову от С. С. Перова и В. О. Клемма. Иск. № 1083, 15 мая 1926 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 62. Л. 115.

²⁴ Сергей Степанович Перов (1889–1967) — советский биохимик. Работал на руководящих постах в Наркомземе, Главпрофобре, Тимирязевском НИИ, директором Лаборатории белка ВАСХНИЛ (1930–1935) и Лаборатории белка АН СССР (1935–1942), с 1935 г. — академик ВАСХНИЛ.

²⁵ Костицын. «Мое утраченное счастье...»... Т. 2. С. 22.

²⁶ [Заявление В. М. Данчаковой на имя директора института С. Г. Навашина, 29 сентября 1926 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 62. Л. 192.

²⁷ [Выписка из протокола № 20 заседания правления Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института. Иск. № 87, 20 октября 1926 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 62. Л. 193.

²⁸ [Письмо из Главнауки № 148379 от 27 октября 1926 г., подписанное начальником Главнауки Ф. Н. Петровым] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 62. Л. 215.

но институт изыщет средства на научные расходы лаборатории в сумме, не превышающей 100 руб.²⁹

Вопиющим кажется тот факт, что о зарплате заведующей лабораторией руководство института побеспокоилось только в сентябре 1926 г., отправив в Главнауку ходатайство по этому вопросу³⁰. Более того, с 1 октября 1926 г. институт прекратил оплату технического сотрудника лаборатории Тальгрена в связи с отсутствием необходимых ассигнований от Главнауки³¹.

В обстановке саботажа, созданного Перовым и иже с ним, при очень слабой поддержке Навашина [...] Вера Михайловна начала работу. Она проявила изумительную энергию, но три четверти ее уходило на борьбу с нашим чудовищным бюрократизмом. Уже для того, чтобы поселиться в Москве в сколько-нибудь сносной квартире и получить мебель, ей пришлось обращаться в Кремль³², — вспоминал Костицын.

Руководители небольших подразделений Тимирязевского института по-разному переживали финансовые трудности. Например, Лепешинская в 1926 г., вскоре после назначения ее заведующей лабораторией, ходатайствовала перед правлением института о прикреплении своей лаборатории к отделению физиологических основ психической деятельности³³. Данчакова же оказалась по натуре борцом, поэтому приложила всевозможные усилия, чтобы сохранить автономность своей лаборатории. В 1927 г. окончательно решился вопрос с оплатой работы Данчаковой и Тальгрена. В лаборатории также занимались исследованиями аспирантка Гроздова (дочь Данчаковой) и сверхштатный сотрудник А. Д. Гагарин³⁴.

К лету 1927 г. Данчаковой удалось получить в Останкине три земельных участка: два под строительство лаборатории, а третий для собственного дома. Основная научная работа лаборатории сосредоточилась на пересадках изолированных участков эмбрионов, в том числе и человеческих. Для проведения экспериментов требовались куриные яйца, которые были на рынках в дефиците, поэтому Данчакова собственными силами организовала птичье хозяйство. Для этой цели на собственные валютные средства она выписала из США кур породы леггорн и профинансировала строительство курятника в Останкине.

²⁹ [Письмо в Главнауку № 184 от 5 ноября 1926 г., подписанное директором института С. Г. Навашиним] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 62. Л. 224.

³⁰ [Письмо в Главнауку от С. С. Перова и В. О. Клемма. Исх. № 1613, 9 сентября 1926 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 62. Л. 180.

³¹ [Письмо в Главнауку от С. С. Перова и В. О. Клемма. Исх. № 193, 8 ноября 1926 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 62. Л. 225.

³² Костицын. «Мое утраченное счастье...»... Т. 2. С. 22–23.

³³ [Выписка из протокола № 2 заседания правления Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института, 15 ноября 1926 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 62. Л. 236.

³⁴ [Сведения относительно лаборатории экспериментальной морфологии. Вх. № 698, 8 февраля 1928 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 89. Л. 62–63.

К концу 1927 г. предприимчивая заведующая построила также собственный дом, организовала продажу куриных яиц и представила разводимую птицу на ВДНХ в павильоне Центросоюза ³⁵.

Кроме научной работы, Данчакова занималась общественной и публицистической деятельностью. Будучи в США, она подробным образом изучила организацию заочного обучения в американских университетах, которые для этой цели создавали специальные структуры — распространительные отделы ³⁶. Данчакова опубликовала на эту тему статьи в журналах «Народный учитель», «Самообразование» и «Коммунистическое просвещение», в которых отмечала стремительный рост заочного обучения в университетах США за короткое время. Так, например, в десяти крупнейших университетах Чикаго, Калифорнии, Алабамы, Канзаса, Кентукки, Небраски, Северной Каролины, Орегона, Техаса и Висконсина к 1923 г. число студентов-заочников достигло внушительной цифры — 30 000 чел. — и приблизительно сравнялось с количеством студентов очных отделений ³⁷. С идеей организации в Советском Союзе высшего заочного образования она обивала пороги Кремля, Наркомпроса и Главпрофобра, выступала с публичными лекциями по этому вопросу в Политехническом музее. Однако Данчаковой так и не удалось внедрить опыт американцев, так как страна была погружена в решение текущих экономических и политических проблем, так что вопрос о высшем заочном образовании был отложен до лучших времен.

Идея расширить собственную экспериментальную базу не покидала Данчакову, поэтому она начинает добиваться аудиенции у представителей власти, чтобы получить средства на строительство для своей лаборатории отдельного здания. Большую помощь в продвижении строительства оказала В. Н. Яковлева, заместитель наркома просвещения и выпускница естественного отделения Московских высших женских курсов. 4 марта 1929 г. была созвана Коллегия Главнауки, которая постановила выделить на постройку здания для лаборатории экспериментального морфогенеза 10 000 руб. ³⁸ Планировалось, кроме здания для проведения экспериментов, построить еще виварий и собственную клинику. Одним из решений этой коллегии было обращение в Наркомздрав и Мосздравотдел с просьбой о привлечении одного из абортариев к обеспечению лаборатории необходимым

³⁵ [Краткий отчет о работе В. М. Данчаковой, 4 января 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 78–79.

³⁶ Данчакова В. М. Распространительный отдел Висконсинского университета в Мадисоне // Самообразование за границей / Ред. Н. Заровнядный. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 26–30; Данчакова В. М. Распространительная работа американских университетов и рабочие союзы // Там же. С. 30–36.

³⁷ Данчакова В. М. Организация самообразования американскими университетами // Там же. С. 20–26.

³⁸ [Выписка из протокола № 13 заседания Коллегии Главнауки, 4 марта 1929 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 104. Л. 43.

материалом ³⁹. Дело в том, что для проведения экспериментов Данчаковой требовались человеческие эмбрионы, и технические служащие ее лаборатории были вынуждены собирать материал в московских клиниках, где делали аборт.

Благодаря выделенным средствам строительство здания лаборатории, наконец, начинается. Данчакова принимает самое активное участие в этом процессе — договаривается со строительными организациями, добывает необходимые стройматериалы, которые были в большом дефиците, контролирует деятельность рабочих. К работе в лаборатории ей удается привлечь новых сотрудников: к началу 1929 г. здесь работали Данчакова и А. Д. Гагарин в качестве штатных сотрудников, Е. М. Вермель и Э. В. Шмидт — сверхштатными научными сотрудниками, А. Н. Щипков — научным консультантом вивария, Гроздова числилась аспиранткой лаборатории ⁴⁰.

В 1929 г. Навашин покидает по состоянию здоровья пост директора Тимирязевского института, после чего Главнаука начинает проверку деятельности этой организации. Из-за выявленных нарушений увольняют заместителя директора института Перова и его помощника по хозяйственной части Гагарина, который был одновременно и внештатным сотрудником лаборатории Данчаковой ⁴¹. Директором института Главнаука назначает И. И. Агола ⁴². Уже на июньском заседании правления института перед Аголом был поставлен вопрос, почему Данчакова получает от Главнауки средства, не согласуя это с правлением, и не отчитывается о совершенных расходах ⁴³. На следующем заседании правления 1 июля 1929 г. Агол сообщил, что Главнаука выделила лаборатории экспериментального морфогенеза 30 000 руб. и увеличила штат сотрудников на 300 % (17 человек) ⁴⁴. Правление было крайне возмущено таким положением дел, поэтому постановило просить Главнауку поставить лабораторию в условия, одинаковые со всеми подразделениями института. Кроме того, руководство института заявило, что снимает с себя ответственность за деятельность

³⁹ Там же.

⁴⁰ [Ответ В. М. Данчаковой от 8 апреля 1929 г. на отношение директора института И. И. Агола, 6 апреля 1929 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 99. Л. 16.

⁴¹ [Выписка из протокола № 23 заседания Бюро жалоб при РКИ, 19 апреля 1929 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 93. Л. 2.

⁴² [Телефонограмма секретариата Главнауки Тимирязевскому институту. Вх. № 1248, 13 мая 1929 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 93. Л. 3; [Копия распоряжения по Главнауке № 113 от 13 мая 1929 г. Вх. № 1285, 18 мая 1929 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 93. Л. 4.

⁴³ [Протокол № 2 заседания правления Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института, 11 июня 1929 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 93. Л. 6.

⁴⁴ [Протокол № 3 заседания правления Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института, 1 июля 1929 г.] // АРАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 93. Л. 8.

лаборатории ввиду отказа Данчаковой предоставить план своей работы на утверждение правления ⁴⁵.

В 1930 г., после перевода Тимирязевского института в Комкадемию, Данчаковой с большим трудом удалось отстоять самостоятельность лаборатории и остаться при Наркомпросе, который в результате сумел выделить необходимые штатные единицы для организации научных исследований.

Весной 1930 г. была объявлена «чистка кадров» Тимирязевского института, которая активизировала доносы и сведение счетов внутри коллектива. Первым против Данчаковой выступил лаборант Шефтель, которого она в свое время не перевела на должность научного сотрудника. Вскоре он был избран председателем месткома института и начал открытую борьбу против Данчаковой ⁴⁶. Вокруг него стали объединяться те сотрудники, которые испытывали неприязнь к успешной и независимой заведующей. После передачи в аренду своего особняка в Балтиморе она получала по закладной достаточное количество денег, чтобы жить на широкую ногу. Рядом со зданием лаборатории в Останкине Данчакова выстроила собственный дом, провела себе телефон, завела домработницу, выписала из США «форд», выезжала по американскому паспорту за границу — всего этого не было у простых советских граждан.

Комиссия по чистке настаивала на увольнении Данчаковой и закрытии ее лаборатории. Непримируемую заведующую вызвали в Наркомпрос к Бубнову и предложили покинуть административный пост, чтобы сосредоточиться на научной работе. Сначала Данчакова решительно отвергла это предложение, но потом согласилась подумать ⁴⁷.

Осенью 1930 г. Данчакова выехала в Германию для изучения опыта работы ведущих научных центров и публикации на собственные средства первого выпуска исследований лаборатории экспериментального морфогенеза. Накануне возвращения Данчаковой ее подчиненные написали в сектор науки ЦК ВКП(б) письмо, в котором обличали научную некомпетентность своего руководителя. Сразу же после своего возвращения, в феврале 1931 г., Данчакова была снята с поста заведующей лабораторией, ее место занял Р. И. Белкин ⁴⁸, работавший в должности заместителя директора Тимирязевского института ⁴⁹. Бывшей заведующей лабораторией запретили проводить экс-

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ [Письмо В. М. Данчаковой И. В. Сталину, 23 апреля 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 6.

⁴⁷ [Стенограмма беседы Ярославского с тов. Лупполом и тов. Белкиным с грифом «секретно», 14 мая 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 71–77.

⁴⁸ Рафаил Исаакович Белкин (1894–1964) — отечественный биолог и историк науки. С 1930 г. работал в НИИ им. К. А. Тимирязева, с 1931 г. — заведующий лабораторией, а после реорганизации — директор Научно-исследовательского института экспериментального морфогенеза.

⁴⁹ [Карточка личного состава. Белкин Рафаил Исаакович] // АРАН. Ф. 356. Оп. 3. Д. 50. Л. 20.

перименты на купленном за ее же деньги оборудовании, отобрали подопытных животных, лишили рабочего места, исключили из зарплатной ведомости и отказали выдать справку для получение продовольственной карточки. Возможно, в надежде на разрешение возникших проблем она решила вступить в ряды ВКП(б). Противники Данчаковой немедленно отреагировали на этот поступок выпуском номера стенгазеты, где высмеивалась расчетливость «классово враждебного человека»⁵⁰.

Р. И. Белкин

1 апреля 1931 г. постановлением Совнаркома РСФСР лаборатория экспериментального морфогенеза была преобразована в Институт экспериментального морфогенеза, директором которого был назначен тот же Белкин. 7 апреля 1931 г. Данчакова отправила И. В. Сталину письмо, в котором сообщала, что вынуждена вернуться в Америку в связи со срывом ее научной работы.

Я пробовала продолжить работу. Однако ни условия узко индивидуальной работы, в которые я теперь поставлена, ни ежедневные передраги, в которых я теряю силы и время, неприемлемы для меня. Сегодня я должна оберегать телефон, завтра жилплощадь, книги, реактивы; сотрудники отказались отдать мне доверенный им мною научный материал, решив попользоваться его индивидуально, помимо меня. Наконец, в то время как я производжу срочную сезонную работу, у меня отнимают без предупреждения материал – моих подопытных животных, срывают серию опытов. Я знаю, что я должна быть краткой, но я не передала и сотой доли тех ежедневных ущемлений, в которые поставлена моя работа [...] Мой отъезд из СССР для меня почти равнозначен самоубийству⁵¹.

Данчакова понимала, что нельзя медлить, так как новое руководство Тимирязевского института реорганизовало созданную ею лабораторию в самостоятельный институт, где для нее не было даже ставки научного сотрудника. В письме Сталину она просила личной аудиенции и помощи в решении сложившейся проблемы⁵².

Доподлинно неизвестно, смогла ли Данчакова попасть на прием к «вождю народов», но практически год по данному письму не было

⁵⁰ [Письмо В. М. Данчаковой И. В. Сталину, 7 апреля 1931 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 2.

⁵¹ Там же. Л. 1–2.

⁵² Там же.

никакого движения, хотя установлено, что письмо дошло до адресата и на нем красным цветом были выделены некоторые моменты⁵³.

Нарком просвещения РСФСР Бубнов позднее сообщал, что в июле 1931 г. Данчакова была у него на приеме с заявлением об отставке, он уговорил ее повременить с этим и поручил заведующему сектором науки Наромпроса⁵⁴ И. К. Лупполу⁵⁵ разобраться в сложившейся ситуации. Дирекция Института экспериментального морфогенеза обещала, что не будет противиться научной работе Данчаковой и обеспечит ее всем необходимым оборудованием⁵⁶.

Ситуация изменилась в 1932 г., когда Данчакова направила новое письмо на имя Сталина, после чего ЦК ВКП(б) была начата серьезная работа по изучению данного вопроса. Материалы проверок составили «дело профессора В. М. Данчаковой», включающее в себя 114 листов различных документов и хранящееся в настоящее время в Российском государственном архиве новейшей истории⁵⁷.

В своем письме, датированном 23 апреля 1932 г., Данчакова описала погром, который учинили «коллеги» во время ее отсутствия:

Все оборудование: микроскопы, микротом, инкубатор, термостат, даже моя собственная бинокулярная лупа унесены из моей комнаты в лаборатории, пока мне отказались дать даже мою лупу, удостоверения на получение продовольственной карточки мне не выдали [...]

Если работы в области экспериментального морфогенеза, которые обеспечивают пролетарскому государству овладение законами развития зародыша и помогут человеку, осознавшему себя продуктом эволюции, стать ее фактором, в настоящее время не найдут применения в Союзе, я буду продолжать работы в другом месте и приеду в Союз, когда меня позовут⁵⁸.

26 апреля 1932 г. с грифом «строго секретно» по поручению Сталина письмо Данчаковой рассылается сразу нескольким адресатам:

⁵³ [Письмо В. М. Данчаковой И. В. Сталину, 7 апреля 1931 г.] // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 854. Док. 3в.

⁵⁴ До 1930 г. сектор науки Наркомпроса РСФСР именовался Главным управлением научными, художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР (Главнаука).

⁵⁵ Иван Капитонович Луппол (1896–1943) — философ и государственный деятель. Активный участник философских дискуссий 1920-х гг., в ходе которых выступил в поддержку А. М. Деборина и отстаивал линию «диалектиков» против «механистов». С 1925 по 1938 г. — профессор, затем заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии Института красной профессуры. В 1929–1933 гг. руководил Главнаукой. В 1935–1941 гг. работал директором Института мировой литературы им. А. М. Горького. В 1941 г. был арестован, в 1943 г. умер в исправительно-трудовом лагере НКВД в Мордовии.

⁵⁶ [Письмо А. С. Бубнова И. В. Сталину с грифом «секретно». Исх. № 271/г., 28 апреля 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 12–13 об.

⁵⁷ Дело профессора В. М. Данчаковой // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31.

⁵⁸ [Письмо В. М. Данчаковой И. В. Сталину, 23 апреля 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 11.

А. А. Андрееву, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, М. И. Калинин, С. М. Кирову, С. В. Косиору, В. В. Куйбышеву, А. И. Микояну, В. М. Молотову, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровскому, В. Я. Чубарю, П. П. Постышеву, Я. Э. Рудзутак, А. С. Бубнову. На первый взгляд, может показаться довольно странным, что дело о судьбе ученого получило такой резонанс в политических кругах и так внимательно рассматривалось. Тем не менее руководство взялось основательно за выяснение сложившейся в лаборатории Данчаковой ситуации и поручило лично наркому просвещения Бубнову разобраться в этом деле.

Партийная номенклатура в сталинский период работала очень оперативно. Уже 28 апреля 1932 г. Бубнов сообщил Сталину в письме, что лично рассмотрит все претензии и недовольства Данчаковой⁵⁹. Для расследования «дела В. М. Данчаковой» он привлек своего заместителя М. С. Эпштейна⁶⁰. На допрос к Эпштейну была вызвана член комиссии по чистке Л. С. Штерн, директор Института экспериментального морфогенеза Белкин и директор Биологического музея им. К. А. Тимирязева Б. М. Завадовский. Беседы проводились лично Эпштейном, стенографировались и подшивались в «дело В. М. Данчаковой». Анализ имеющихся в деле записей бесед помогает понять межличностные отношения не только между сотрудниками Тимирязевского института, но и вообще между учеными, между которыми также проходила своего рода борьба за влияние на принятие административных решений и материальные ресурсы.

В качестве примера приведем некоторые наиболее информативные выдержки из стенограммы бесед. Первой выслушали профессора Штерн⁶¹, которая на этот момент возглавляла Научно-исследовательский институт физиологии Наркомпроса РСФСР. Протицируем ниже фрагмент этой беседы:

Штерн: Д. работает не по той дисциплине, по которой я работаю. В мировой науке – это не есть имя. Она не человек, который открыл новую страницу в науке. У нее, бесспорно, есть довольно хорошая школа, поскольку она работала с Максимовым, который действительно является в этой области человеком

⁵⁹ [Письмо А. С. Бубнова И. В. Сталину с грифом «секретно». Иск. № 271/г, 28 апреля 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 12–12 об.

⁶⁰ Моисей Соломонович Эпштейн (1890–1938) – партийный и государственный деятель. Член Бунда (до 1919 г.). Работал заместителем наркома просвещения РСФСР. Арестован в 1937 г., в 1938 г. приговорен к смертной казни по ложному обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян на полигоне Коммунарка в 1938 г.

⁶¹ Лина Соломоновна Штерн (1875–1968) – биохимик и физиолог, первая женщина – действительный член Академии наук СССР (1939). Высшее образование получила в Женевском университете, с 1918 г. – профессор этого университета. В 1925 г. переехала в СССР. Работала во 2-й Московском государственном медицинском институте, была директором НИИ физиологии Наркомпроса РСФСР. В 1949 г. арестована по делу Еврейского антифашистского комитета, более трех лет находилась в тюрьме, в 1952 г. была отправлена в ссылку в Казахстан. В 1953 г. амнистирована и восстановлена в звании академика.

с большим именем. Ее работы были всегда повторением того, что давал Максимов. Скажем, Максимов открывает новую область. Через полгода-год появляется работа Д., где она повторяет то же самое. Ее работы, я бы сказала, есть работы ученические. Но она работает неплохо. У нее есть техника, есть методика. Но это то, что получает аспирант, который работает в какой-либо хорошей лаборатории. Говорить о том, что она не является научным работником, было бы неправильно, но такие силы в нашем СССР имеются десятками, дюжинами и больше. В ее науке имеются элементы шарлатанства, имеется рекламный несерьезный подход, битье на эффект. Это плохой метод для показа нашей смене. Это плохой пример для молодежи.

Что она сделала в своей науке? По-моему, ничего особенного. Сейчас она была в Париже, сделала несколько маленьких работ, но такие работы можно написать дюжинами. Повторяю, я бы назвала ее учеником. Вот моя оценка ее работы.

т. Эпштейн: Вам приходится читать по вопросам морфогенеза? Видели ли Вы ее труды 1931 года? Знаете ли Вы учреждение, которое издает эти труды?

Штерн: Издает немецкий журнал. Вы должны не особенно увлекаться тем, что печатается за границей. Нет той глупости, которую Вы напишете и которую журнал не напечатает. Часто нам говорят: «У меня есть работы, напечатанные в Германии». Нужно иметь в виду, что работы, которые печатаются в германских журналах, не проходят никакого контроля, так что этим не следует увлекаться.

т. Эпштейн: Знаете ли Вы лично Д.?

Штерн: Я ее видела в Женеве еще в 1906 году, когда она приезжала на съезд (она там не выступала). На меня она произвела очень неприятное впечатление [...]

т. Эпштейн: Приходилось ли Вам говорить о Д. с учеными нашими и заграничными?

Штерн: Мне приходилось говорить о ней в Америке. Об ее научных работах никто не говорил. Говорили об ее делах. У нее, между прочим, было два дома, которые она перепродала [...]

т. Эпштейн: Слышали Вы выступления Д.?

Штерн: Выступления ее несерьезны, с большими претензиями. В конце концов, все работы Д. могли бы не существовать, потому что являются повторением того или иного положения Максимова. Я бы сказала, что Д. могли бы заменить многие из наших работников, например Кронтовский, Румянцев и др.

Если бы она была научно ценной, она бы здесь не сидела. Я особой связью с Россией никогда не имела. Я уроженка Либавы, жила и училась за границей, но все же, когда я уехала в Москву, я взяла советский паспорт в Берлине, потому что хотела работать здесь. Д. уехала из России в 16-м году и сидит с американским паспортом. Если бы она хотела здесь работать, зачем ей американское гражданство. Если бы она могла получить платное место ассистента в Париже или Фрейбурге, она бы уехала ⁶².

⁶² [Стенограмма беседы М. С. Эпштейна с Л. С. Штерн, б/д] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 52–53.

Выдержки из стенограммы беседы Эпштейна с Б. М. Завадовским ⁶³:

Завадовский: В Америке я убедился в том, что имя Данчаковой действительно довольно популярно. Куда я не приезжал, меня о ней спрашивали. Но популярность ее несколько сомнительная. Объективно говоря, некоторые из местных специалистов спрашивали о ней с симпатией (Гартман из Балтимора, Люис). Что касается большинства, то в их вопросах я чувствовал некоторую заднюю мысль, иронию и попытку прощупать, на основании чего Данчакова здесь пользуется известным фавором.

Наибольший интерес может для Вас представлять разговор с Маргулисом. Это – русский, который по процентной норме в свое время эмигрировал в Америку. Человек этот с определенными политическими симпатиями. В Америке он рассматривается как коммунист. Нас он нашел по собственной инициативе.

Эпштейн: Он ученый?

Завадовский: Биохимик. Человек этот нам симпатизирующий, разбирается неплохо в том, что у нас происходит. И вот он-то как раз меня предупреждал, что Д., по крайней мере в прогрессивных кругах американских ученых, авторитетом не пользуется. Она больше известна как авантюристка, как человек с экстравагантными выходками. Он говорил о том, что они не верят в ее советские установки, потому что после ее первого пребывания здесь в 1925 г. она вернулась в Америку с огромным количеством всякого нашего скарба, который реализовала за большие деньги, и, кроме того, рассказывала довольно паскудные вещи о Советском Союзе. Поэтому, когда она уже после вторичного пребывания здесь выступала в пользу СССР, то этому не верили.

Эпштейн: А Вы ее труды читали?

Завадовский: В оригинале я ее работ не читал. Судить о том, насколько они научно значительны, не могу. От того же Маргулиса я слышал, что он не уверен в том, что это ее самостоятельные научные работы.

Говорил я о Д. в Америке и с Болдыревым. Это ученик Павлова, который попал в Америку при керенщине. Сейчас он чувствует себя советским гражданином, хотел бы вернуться к нам. От него я слышал, что Д., бесспорно, способная работница, т. е. что ее работы имеют значение. Так что считать ее только авантюристкой нельзя, но все-таки ее популярность основана не только на ее научной ценности.

Нужно указать и на то, что опытом своим Д. не делится. Наши установки на коллективизм в научной работе, на передачу опыта ей чужды.

Но, повторяю, что есть люди, которые относятся к ней хорошо. Группа Гартмана, Люиса, к которым я приехал уже с известной настороженностью, искал в их словах иронии – они высказывались о ней с симпатией ⁶⁴.

Выдержки из стенограммы беседы Эпштейна с Белкиным:

⁶³ Борис Михайлович Завадовский (1895–1951) – советский биолог. В 1920–1930 гг. – профессор биологии в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. С 1922 по 1951 г. был директором Биологического музея им. К. А. Тимирязева.

⁶⁴ [Стенограмма беседы М. С. Эпштейна с Б. М. Завадовским, б/д]... Л. 56–57.

Белкин: Я самым категорическим образом заявляю, что Д. не только ни копейки не затратила из своих средств на лабораторию, но, наоборот, за счет Наркомпроса устроила свой дом. Когда она ездила за границу, она получила некоторую сумму от Наркомпроса, но накупила на большую сумму. Приехав сюда, она представила т. Курцу счет на имя Наркомпроса, поставив его перед свершившимся фактом. Счет она распорядилась оплатить [...]

Если бы она что-либо представляла собой, у нее бы хотелось учиться. Но когда к ней обратился Лаврентьев с просьбой показать какой-то технический прием, она ему отказала, отказала она и Лепешинской.

Кого Вы не спросите о Д., все отзываются о ней откровенно. Есть ведь коммунисты, с которыми она встречалась, – Тимирязев, Петров – все о ней отзываются отрицательно. Есть и беспартийные, например, академик Навашин. Он ее терпеть не может [...]

Д. поставлена у нас в такие условия, как ни один научный работник. У нас работает крупнейший ученый Филатов. Он даже отдельной комнаты не имеет, т. е. комнату мы ему предоставили, но он поместил к себе еще одного работника ⁶⁵.

После проведенного расследования Бубнов подготовил Сталину отчет, где констатировал, что эффективность научной работы Данчаковой в Советском Союзе чрезвычайно низка. То, что она печатает статьи в зарубежных журналах, по мнению наркома, еще ничего не говорит об их научном значении. Кроме того, Наркомпрос тратил немалые средства на покупку оборудования и содержание лаборатории, значительно превышающие затраты на другие научные подразделения Тимирязевского института. В целом характеристика Данчаковой, подготовленная Бубновым, была нелицеприятной – он отмечал, что у бывшей заведующей лабораторией сложились конфликтные отношения как с сотрудниками, так и с руководством института, она не уживалась с коллективом, при более чем скромных помещениях института выстроила себе деревянный дом, в котором проживала вместе со своей домработницей ⁶⁶. Свой отчет Бубнов представил Сталину прямо перед заседанием Политбюро ЦК ВКП(б).

Вопрос по «делу В. М. Данчаковой» был поднят на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 4 мая 1932 (протокол № 98) в присутствии членов Политбюро Андреева, Ворошилова, Л. М. Кагановича, М. И. Калинина, Куйбышева, Молотова, Орджоникидзе, Сталина, кандидата в члены ЦК Микояна, членов ЦК Д. З. Мануильского, В. Р. Менжинского, Д. Е. Сулимова, Н. М. Шверника, Я. А. Яковлева, членов Президиума ЦКК Н. К. Антипова, Рудзутака, М. Ф. Шкирятова, Ярославского. Докладывали о письме Данчаковой Сталин и Бубнов ⁶⁷. Однако решение по «делу» так и не было принято. По всей видимости,

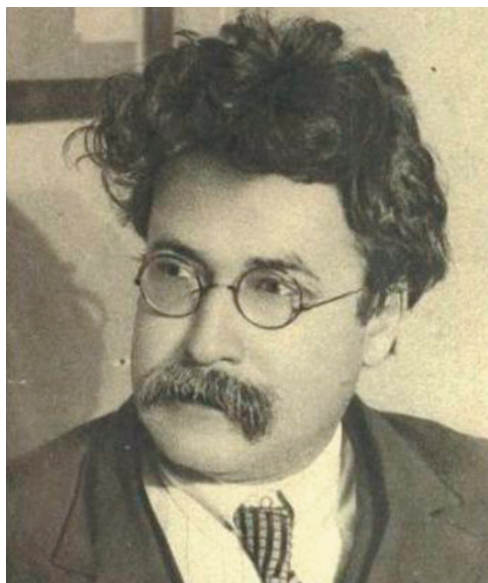
⁶⁵ Там же. Л. 53 об–55 об.

⁶⁶ [Письмо А. С. Бубнова И. В. Сталину. Исх. № 272/г., 4 мая 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 13–12 об.

⁶⁷ [Протокол заседания № 98 Политбюро ЦК ВКП(б), 4 мая 1932 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 882. Л. 4.

за свободолюбивую американку заступился кто-то из ее покровителей. В итоге постановили поручить Ярославскому⁶⁸ провести дополнительное расследование по «делу В. М. Данчаковой»⁶⁹.

Ярославский был человеком, совершившим стремительную карьеру от рабочего-переплетчика с трехклассным образованием до академика АН СССР (1939) и от подпольного агитатора до члена ЦК ВКП(б) (1939). Во время описываемых событий он был членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б) (ЦКК) и вел масштабную работу по атеистическому воспитанию⁷⁰. Ярославский лично беседовал с Данчаковой 7 мая 1932 г., разговор был долгим, поэтому полностью привести его запись не представляется возможным, процитируем лишь некоторые его эпизоды.

Е. М. Ярославский

Тов. Ярославский: Я прочел Ваше заявление на имя тов. Сталина.

Тов. Данчакова: Можно мне посмотреть. Правильно, это копия.

Тов. Ярославский: Затем, я ознакомился с папкой материалов, правда, я не успел все прочитать, эта папка мне была передана из Наркомпроса, в этой папке имеется справка об институте, написанная тов. Белкиным от 3 мая с/г, затем план работы лаборатории на 30–31 год, составленный Вами, затем записка Наркомпроса – объяснение по поводу Вашего заявления, затем беседа тов. Эпштейна с тов. Малышевым, с т. Белкиным и с т. Штерн, затем материалы, связанные с прохождением чистки, относятся к 29–30 г.

Тов. Данчакова: Можно спросить, кто выбрал эти материалы?

Тов. Ярославский: Эта папка передана мне Наромпросом, здесь и Ваше заявление в комиссию, где принимались выводы о чистке.

Тов. Данчакова: Можно мне спросить? Какое отношение имела Штерн?

⁶⁸ Емельян Михайлович Ярославский (урожденный Миней Израилевич Губельман, 1878–1943) – советский партийный деятель, в 1924–1934 гг. – член Центральной контрольной комиссии ВКП(б), в 1934–1939 гг. был членом Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), с 1939 г. – член ЦК ВКП(б). Был председателем Антирелигиозной комиссии при ЦК партии, руководил Союзом воинствующих безбожников, являлся ответственным редактором журналов «Безбожник» (1925–1941) и «Антирелигиозник» (1926–1941).

⁶⁹ [Выписка из протокола № 98 заседания Политбюро ЦК ВКП(б), 4 мая 1932 г.] // РГАН. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 3.

⁷⁰ Подробно об антирелигиозной деятельности Ярославского см.: *Савельев С. Н.* Емельян Ярославский – пропагандист марксистского атеизма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.

Тов. Ярославский: Ее просто спросили как человека, как профессора, который занимается в этой области, в области биологии, спросили ее отзыв о Ваших работах. Я лично ее не знаю.

Затем здесь имеется целый ряд документов, относящихся к внутренней жизни этой лаборатории, насколько я мог за этот короткий срок, я их прочел. С этими печатными работами я не успел ознакомиться, хотя я читаю и по-английски, и по-немецки, но я не имел возможности, слишком короткий срок.

Мне кажется, что мы так сделаем – я возьму Ваше заявление, затем объяснение, которое дает Наркомпрос по этому поводу, и мы установим факты, которые я должен проверить, и как их проверить установим.

Тов. Данчакова: Еще один вопрос. Вы говорили, что у Вас есть материалы по чистке, есть ли, например, заявление старых сотрудников, где они рассказывают о том, как мы работали в течение 4-х лет?

Тов. Ярославский: Есть, да, по-моему, все это есть. Вот заявление Мамонтовой и Тягачевой в комиссию по чистке.

Тов. Данчакова: Мамонтова была первой сотрудницей. Затем сотрудница Березкина, вот это письмо я сама написала и отвезла к Кончееву, он говорил с ней по телефону, и так как она выразила желание продолжать работать со мной, она осталась.

Тов. Ярославский: Это все такие подробности, которые не освещают всего дела, давайте по порядку. Нужно, по-моему, выяснить прежде всего, как обстояло дело с организацией. Какие средства Вы вложили свои для этого дела?

Тов. Данчакова: Когда я в 26-м году приехала, я приехала с большим оборудованием, ящика два оборудования для лаборатории.

Тов. Ярославский: Точно можно установить, может быть, есть какой-нибудь список, на какую сумму?

Тов. Данчакова: Очень трудно, не знаю, на какую сумму, мне трудно сказать.

Тов. Ярославский: Ну, приблизительно сколько, сотни рублей или десятки тысяч?

Тов. Данчакова: Нет, конечно, не десятки тысяч, ну, скажем, около тысячи рублей. Это то, что я привезла для оборудования.

Тов. Ярославский: Что еще вложили в ценность?

Тов. Данчакова: Когда я приехала, мне понадобился материал для экспериментальной работы, мы купили сначала русских леггорнов, которые не неслись, весной переменили на минорок, те тоже не неслись. Тогда я выписала из Америки 8 куриц и 2 петухов, самых лучших. Эти обошлись около 500 долларов.

Тов. Ярославский: Наличных средств?

Тов. Данчакова: Да, наличных средств. Затем надо было где-нибудь дать им приют, развить их, у меня была цель – с одной стороны, обслуживать лабораторию материалом, с другой стороны, я выписала самых лучших производителей, какие только есть, поэтому я себе представляла, что мы будем снабжать государство рассадником, получать за это деньги и вкладывать их же в лабораторию, потому что очень мало давали средств. Когда я приехала, я имела 100 руб. на лабораторию, на все нужды. Я получала 80 руб. и товарищ Тальгрэн 60 руб. Это в течение 26–27 года, в течение первого года. Когда понадобились виварии для лаборатории, и я увидела, что снабдить лаборатории

материалом для экспериментов невозможно не из каких рассадников, потому что зимой курицы здесь не несутся, я выписала этих производителей и выхлопотала от МКХ сперва во Владыкино 2 участка, один для меня, другой для лаборатории. Для меня, потому что ведь нужно было как-нибудь поселиться. Во Владыкино не пришлось, потому что встретили нас застройщики чуть ли не с пистолетными пулями, пришлось перевести в Останкино, здесь мной было забронировано 3 участка, один для меня, два для лаборатории. Домик так называемый мой, который я собиралась перед чисткой передать в лабораторию, этот домик был построен на мои средства и обслуживал около трех лет нужды лаборатории.

Тов. Ярославский: Этот домик, который Вы построили на свои средства, имеются указания, что Вы его передали.

Тов. Данчакова: Я его передала. Мне комиссия по чистке сказала, что это прекрасный жест, но эта передача не имеет никакого значения, так как нет нотариальной передачи. Нотариальная передача не состоялась, потому что я передавала дом так же как и себя лаборатории, которую я организовала для определенного плана. Когда был поставлен вопрос о плане оставаться ли ему или нет, я эту бумагу не пошла засвидетельствовать нотариусу. Этот домик остается в моем ведении. В течение трех лет в нем происходила инкубация, воспитывался молодой, жили служащие. У меня была маленькая квартирка в Москве. Так как не было средств от Главнауки, я выхлопотала два старых сарая на дороге, их надо было сносить, один переделали под курятник. Так мы жили с этими тремя участками в течение первого года. Оплачивала я сначала, эта работа происходила на мои средства [...]

Тов. Ярославский: Теперь вопрос связан в отношении к Союзу. Вам приписывают антисоветские выступления [...] Товарищи не понимают, что если Вы работаете в Союзе и считаете себя советским человеком, почему Вы не расстаетесь с американским паспортом [...] Затем Вы получаете переводы из Америки, деньги – это ставит товарищей под сомнение, откуда эти средства.

Тов. Данчакова: Относительно паспорта. К счастью, я в течение прошлого года оставалась еще американской гражданкой. Мы не раз со своей дочерью хотели сдать паспорта, но, к счастью, это не было сделано в прошлом году. Если бы я в прошлом году сделала бы паспорт, то при такой травле я сейчас была бы где-нибудь в Нарыме или в Соловках [...] Когда я приехала в Америку, я не имела ни одной копейки [...] По примеру американских профессоров я себе устроила маленький коттедж около Бостона. Когда я уехала, я отдала его под лабораторию и получила закладную [...] И когда мне понадобились деньги, я их получила. Домик этот дорогой – валютный [...] Мне никто переводов не делает – это легко проверить [...]

Тов. Ярославский: Тов. Данчакова, я прошу Вас сделать следующее: Вы напишете мне сжато, т. к. это пойдет для ЦК, о чем Вы просите сейчас, поскольку Вы остаетесь работать.

Тов. Данчакова: Я не остаюсь. Если Вы меня попросите, т. к. я настолько подорвана, так много в течение 8 месяцев меня травили, что только безумная сила воли заставила меня прикрепиться к месту и доказать, что я лояльна, и такая сила воли заставила меня приехать обратно.

Тов. Ярославский: Что это означает?

Тов. Данчакова: Хочу работать с Вами дальше, вместе, параллельно ⁷¹.

8 мая 1932 г. Ярославский допросил директора Института экспериментального морфогенеза Белкина. Приведем выдержки из стенограммы этой беседы (с грифом «секретно»):

Тов. Ярославский: Мне Центральный комитет поручил расследовать правильность заявления Данчаковой. Данчакову я уже вызывал для уточнения сущности ее заявления, так как она, перечисляя факты, не указывает документов. Я поэтому в разговоре старался уточнить. Теперь мне необходимо уточнить ряд фактов из Вашего сообщения, касающихся Вас.

Тов. Белкин: Я с этим материалом знаком, что Вы ищете?

Тов. Ярославский: Кто обвиняет Данчакову в плагиате?

Тов. Белкин: Сотрудники.

Тов. Ярославский: Вы ее обвиняете?

Тов. Белкин: Да. Имею основания. Когда знакомился с материалом, представленным ею в сектор до моего назначения, то выяснилось следующее, что она представила план работы в лабораторию, и он повторяет то, что было предложено одним американским ученым Реганом и что им было частично проведено в жизнь. Была назначена комиссия, которая не состоялась потому, что работы этого ученого были опубликованы в журнале, который находился у нее [...]

Т. Ярославский: Имеется заявление, что некоторые книги, привезенные ею из Америки и выписанные, у нее эти книги отобраны.

Т. Белкин: Она в 1930 году решила подарить лаборатории около 2 тыс. оттисков [...] а затем, когда ее освободили от должности, она заявила, что книги не передает [...] Я пошел в НКПрос, где мне сказали, что, поскольку эти книги ее, их надо вернуть. Расписку в получении книг она не пожелала взять [...]

Тов. Ярославский: На каком основании Вы говорите, что она нелояльна к советской власти, что она является подлюшной?

Тов. Белкин: Это было не со мной, а с одним коммунистом, который там работал. Его фамилия Периков.

Тов. Ярославский: Он делал заявления, где?

Тов. Белкин: Когда я пришел туда [...] я узнал от Перикова о том, что она по целому ряду случаев выражала неблагоприятное отношение к советской власти, она говорила с Ролич, что Советский Союз подлый, затем в другой беседе, после снятия ее с работы, она заявила, что она такой энергичный человек, что добьется...

Тов. Ярославский: Кому она это говорила. Неужели Вы верите, что человек может коммунисту сказать такие вещи? Таких вещей беспартийный не скажет коммунисту, даже если он об этом думает. Этот факт вызывает недоверие.

Тов. Белкин: Я знаю этого коммуниста мало. Он сейчас аспирант в Академии коммунистического воспитания. Он пошел и об этом заявил в Наркомпрос, где ему сказали, что сообщат в соответствующие органы.

Тов. Ярославский: Вы сами факты имеете?

Тов. Белкин: Она мне говорила, что Советский Союз представляет собой гнездо сплошных разбойников [...]

⁷¹ [Стенограмма беседы тов. Ярославского с профессором Данчаковой, 7 мая 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 32–34.

Она говорила, что у нас наука на краю гибели, советская власть занимается раскулачиванием, у работников научных отнимает дома, дачи и пр. Я сказал, что если она будет продолжать в таком же духе беседу, то я больше разговаривать не буду. Это было во время одной из наших бесед. Во время второй беседы она повторила то же самое. Я с ней говорил не раз, а много, раз десять, она все время проявляла такое отношение.

Совершенно естественно, что я пошел в ОГПУ, нашел соответствующего товарища и задал вопрос о том, как мне надо себя держать [...]

Тов. Белкин: В течение последних 6 лет пребывания в Советском Союзе Данчаковой ничего не было сделано. Установлено, что за это время ею напечатаны только три работы – одна тоненькая и две чуть потолще [...]

Тов. Ярославский: Вы знаете, что это не соответствует действительности, я приведу Вам перечень печатных ее работ (т. Ярославский перечисляет работы Данчаковой). Как видите, т. Белкин, имеется не три работы, а уже девять работ, при том она указывает, что это лишь часть ее работ. Я попросил ее представить перечень ее работ, но она ответила, что не имеет списка. Я также не имею списка моих работ.

Тов. Белкин: Когда Вы делаете где-либо доклад, Вы не считаете это научной работой, а Данчакова считает это научной работой. Затем здесь имеется часть ее работ из перечисленных Вами, которые были написаны до ее приезда в СССР [...] Затем имелись такие случаи, когда Данчакова пыталась чужую работу приписать себе. Между прочим, у Данчаковой нет достаточного ознакомления с необходимой литературой.

Тов. Ярославский: Если Вы, т. Белкин, положи руку на сердце, будете уверять меня, что прочли всю необходимую литературу, то я в этом также усомнюсь.

Тов. Белкин: Тов. Ярославский, мы не можем выпустить новую работу, пока не прочтем всю литературу по вопросу, связанному с этой работой [...]

Тов. Ярославский: Очень возможно, что известная часть профессоров занимается больше перебиванием грязного белья, нежели вопросами науки [...]

Имейте в виду, т. Белкин, что т. Сталину пишут очень много, иногда пишут и неправду, но все же те, кто пишут, те знают, что это дело чрезвычайно ответственное, что по этим письмам и заявлениям будет установлена проверка. Мне поручено проверить это дело, я тщательно выполняю это поручение [...] Ее обвиняют в том, что она проложила мостовую около своего дома, но за это надо бить не ее, а наших строителей, которые не доводят дело до конца. Итак, тов. Белкин, еще раз прошу Вас письменно сообщить мне, какой выход Вы видите из создавшегося положения?

Тов. Белкин: Когда Вам представить?

Тов. Ярославский: Просьба представить сегодня. На этом мы закончим нашу беседу. Я еще у Вас побываю, если удастся, завтра ⁷².

Ярославский сдержал обещание: он побывал в институте, поговорил с сотрудниками, собрал отзывы о научных заслугах Данчаковой. Уже 14 мая 1932 г., меньше, чем через неделю после беседы с Белкиным, Ярославский вызвал его и руководителя Главнауки Луппола для беседы. Ярославский сообщил, что после внимательного изучения вопроса

⁷² [Стенограмма беседы тов. Ярославского с Р. И. Белкиным, 8 мая 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 57–70.

пришел в выводу, что лаборатория экспериментального морфогенеза была полностью создана Данчаковой, а сама заведующая, кроме организационной работы, вела серьезные научные исследования ⁷³.

Кроме того, Ярославский привлек к расследованию «дела» других ученых. Среди характеристик, которые дали исследователи Данчаковой, были как резко отрицательные, так и положительные. Приведем в качестве примера лишь отзывы Н. К. Кольцова ⁷⁴ и Л. Я. Бляхера ⁷⁵.

Кольцов объективно осознавал, что специалистов уровня Данчаковой в стране было очень мало, гораздо больше было карьеристов и невежд. Институт экспериментальной биологии, директором которого был Кольцов, сотрудничал с лабораторией экспериментального морфогенеза и даже приобретал у Данчаковой для работы яйца из ее питомника. Кольцов поддержал Данчакову и дал положительную характеристику ее работе, вот фрагмент из этого отзыва:

В. М. Данчакова является крупным и вполне самостоятельным, оригинальным исследователем в области экспериментальной эмбриологии. Она опубликовала ряд ценных научных работ, проведенных при самых различных условиях, в разных странах и разнообразными методами, и продолжает интенсивную исследовательскую работу до настоящего дня. Ее имя достаточно хорошо известно среди биологов разных стран, и я не сомневаюсь, что в некоторых странах Европы или Америки она могла бы найти условия для спокойной и обеспеченной научной работы. Но именно поэтому мне казалось бы желательным создать для нее такие же условия у нас в Союзе. Экспериментальная эмбриология (динамика развития) стала одной из важнейших и сложнейших проблем теоретической биологии, без которой невозможно построить сколько-нибудь полную теорию жизни. Но именно вследствие сложности этой проблемы к ней очень легко привязываются всякие виталистические учения. Поэтому для нас особенно важен всякий специалист, вполне разбирающийся в конкретной постановке работ по экспериментальной эмбриологии и в то же время чуждый виталистических тенденций, а В. М. Данчакова вполне заслуживает такой характеристики ⁷⁶.

Бляхер был настроен к Данчаковой крайне враждебно. Он познакомился с ней в 1930 г., еще будучи членом комиссии по чистке. Уже после чистки, в 1931 г.,

⁷³ [Стенограмма беседы Ярославского с тов. Лупполом и тов. Белкиным с грифом «секретно», 14 мая 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 71–77.

⁷⁴ Николай Константинович Кольцов (1872–1940) – российский биолог, основатель отечественной школы экспериментальной биологии. С 1899 г. – приват-доцент Московского университета, с 1903 г. – профессор Московских высших женских курсов, с 1908 г. – профессор Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского, с 1917 г. – директор Института экспериментальной биологии Наркомздрава РСФСР.

⁷⁵ Леонид Яковлевич Бляхер (1900–1987) – советский эмбриолог и историк науки. С 1925 г. работал в МГУ, с 1928 г. – во 2-м Московском государственном медицинском институте, с 1931 г. сотрудник ГНИИ им. К. А. Тимирязева, с 1955 г. – в Институте истории естествознания и техники.

⁷⁶ [Отзыв о работе В. М. Данчаковой, подписанный Н. К. Кольцовым, 6 июня 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 110.

по приглашению нового директора Института экспериментального морфогенеза Белкина он был зачислен в штат этого учреждения. Он говорил следующее:

Считаю своим долгом сообщить свои соображения по поводу Данчаковой, тем более что, по словам А. С. Бубнова, она обвиняет меня в стремлении занять ее место [...] Данчакова не осуществляла никакого руководства своими сотрудниками, рассматривая их как технических исполнителей ее заданий, всякое проявление научной инициативы пресекалось в крайне грубой форме. Госучреждение рассматривалось Данчаковой как ее частная собственность, а сотрудники как слуги, которые не должны рассуждать [...] Научная деятельность самой Данчаковой, по существу, ограничивается 1914 г., когда она работала под руководством видного гистолога проф. Максимова. После 1914 г., то есть за последние 18 лет, ею не было опубликовано крупных работ, хотя и строились широковещательные планы, которые я позволил себе по глубокому убеждению назвать фантастическими. Таким образом, реального плана работы, подготовки научных кадров, связи с практикой социалистического строительства в лаборатории при заведовании Данчаковой не было ⁷⁷.

16 мая 1932 г. Ярославский сообщил в Политбюро ЦК ВКП(б), что ознакомился на месте с положением дел в Тимирязевском научно-исследовательском институте и пришел к следующим выводам:

— Данчакова создала лабораторию экспериментального морфогенеза, известную не только в СССР, но и за рубежом. На собственные деньги она привезла из Америки необходимый инструментарий, организовала куриный рассадник и виварий;

— Данчакова пользовалась авторитетом у зарубежных ученых, среди которых были Э. Форе-Фремиэ ⁷⁸, В. Меллендорф ⁷⁹, Р. Чемберс ⁸⁰, Жолли ⁸¹, Ж. Бенуа ⁸²;

⁷⁷ [Отзыв о работе В. М. Данчаковой, подписанный Л. Я. Бляхером, б/д] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 95–96 об.

⁷⁸ Эммануэль Форе-Фремиэ (*Emmanuel Fauré-Fremiet*, 1883–1971) — французский биолог, профессор Сорбонны и Коллеж де Франс. Был известен своими работами в различных областях биологии — цитологии, экспериментальной эмбриологии, электронной микроскопии, молекулярной биологии, протозоологии. Руководил эмбриологическими исследованиями Б. Эфрусси.

⁷⁹ Вильгельм Мёллендорф (*Wilhelm von Möllendorff*, 1887–1944) — немецкий биолог. С 1919 г. — экстраординарный профессор Фрайбургского университета, с 1922 г. — ординарный профессор Гамбургского университета, в 1923 г. перешел в Кильский университет, с 1927 г. снова во Фрайбургском университете, с 1935 г. работал в Цюрихском университете. Основные работы посвящены гистологии и цитологии.

⁸⁰ Роберт Чемберс (*Robert Chambers*, 1881–1957) — американский биолог, изобретатель инструментов для препарирования живых клеток. Президент Американского общества зоологов.

⁸¹ Жюстен Мари Жолли (*Justin Marie Jolly*, 1870–1953) — французский гематолог и гистолог, в 1925–1940 гг. — профессор Коллеж де Франс. В начале XX в. создал первые документальные фильмы, где демонстрировались процессы митоза в живых клетках. Совместно с американским физиологом У. Г. Хауэллом описал мелкие включения в эритроцитах, названные тельцами Хауэлла — Жолли.

⁸² Жак Бенуа (*Jacques Benoit*, 1896–1966) — французский биолог. Работал в области нейрогистологии и нейроэндокринологии. С 1919 г. — в Страсбургском университете, в 1936–1937 гг. — в Йельском университете, в 1939 г. — в Алжирском университете, с 1946 г. — в Страсбургском университете и Коллеж де Франс. В 1935 г. провел опыты по фотостимуляции сперматогенеза у уток и выдвинул гипотезу о фотонейроэндокринной оси.

— отрицательные отзывы о Данчаковой дают ее коллеги В. А. Дорфман, Т. П. Ролич, Б. М. Завадовский, Л. Я. Бляхер, в основном обвиняя ее в неумении работать в коллективе;

— во время чистки советского аппарата комиссия по чистке проявила по отношению к Данчаковой предвзятое отношение, что, конечно, подорвало доверие к ней, причем комиссия по чистке, сделав выводы, не вызвала ее даже для беседы. После работы комиссии началась откровенная травля Данчаковой.

Такого рода отношение, конечно, не вяжется с линией партии по отношению к специалистам. Можно было бы привести целый ряд фактов такого же рода мелочного, издевательского характера, вроде отобрания флага, который Данчакова вывешивала над воротами, так как де этот флаг не ее, а государственный и т. п.⁸³, — отмечал в заключение Ярославский.

Ярославский явно принял сторону Данчаковой, поэтому посчитал, что ей нужно предложить продолжить научную работу в СССР, создав все необходимые условия, в частности, Наркомпросу нужно выделить помещение для лаборатории, а дирекции института устранить нездоровую обстановку в коллективе⁸⁴.

С этими предложениями он выступил на очередном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 16 мая 1932 г. (протокол № 100), на котором присутствовали члены Политбюро Ворошилов, Каганович, Калинин, Куйбышев, Орджоникидзе, Сталин, кандидат в члены ЦК Микоян, члены ЦК А. А. Жданов, Д. З. Мануильский, В. Р. Менжинский, Сулимов, Яковлев, члены Президиума ЦКК Антипов, Рудзутак, Шкирятов, Ярославский.

Решением Политбюро по «делу Данчаковой» были приняты следующие предложения Ярославского:

а) Предложить В. М. Данчаковой продолжать научную работу в СССР, положив в основу ее заявление об условиях, при которых она может работать в СССР.

б) Предложить НКПросу выделить на территории Института экспериментального морфогенеза лабораторию из 3-х комнат, в которой работала бы В. Данчакова, обеспечив ее необходимым оборудованием.

в) Предложить дирекции института обеспечить В. Данчакову нормальными товарищескими условиями работы, устранив имевшие место неправильные распоряжения в отношении В. Данчаковой⁸⁵.

20 мая 1932 г. был издан приказ по Наркомпросу РСФСР № 251, согласно которому только что назначенный заведующий сектором науки Наркомпроса РСФСР Агол должен был выделить Данчаковой на территории Института экспериментального морфогенеза лабораторию

⁸³ [Письмо Е. М. Ярославского в Политбюро ЦК ВКП(б), 16 мая 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 25.

⁸⁴ Там же. Л. 26.

⁸⁵ [Протокол № 100 заседания Политбюро ЦК ВКП(б), 16 мая 1932 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 884. Л. 6.

из трех комнат, обеспечив исследования всем необходимым оборудованием. Кроме того, Аголу вменялось в обязанность обеспечить благоприятные психологические условия для работы Данчаковой, наладив правильное взаимоотношение между дирекцией и коллективом научных сотрудников с одной стороны и Данчаковой — с другой ⁸⁶. Агол как никто знал историю судьбы лаборатории Данчаковой, так как с 1929 г. занимал должность директора Тимирязевского научно-исследовательского института и вел борьбу со строптивой американкой ⁸⁷.

Самое тяжелое было усмирить ненавистников Данчаковой, которые продолжали работать в Институте экспериментального морфогенеза и строили ей разного рода козни. Обещанные ей условия для проведения экспериментальной работы так и не были обеспечены. 7 июня 1932 г. Данчакова отправляет Ярославскому письмо с просьбой дать ей все-таки возможность продолжать начатые ранее исследования даже без зарплаты ⁸⁸. Письмо переправляется Кагановичу, который поручает Бубнову разобрать это дело.

10 июня 1932 г. Бубнов направил записку с грифом «секретно» Кагановичу в ЦК ВКП(б), где отметил, что вопрос о Данчаковой затягивается и принимает неправильное направление, расходящееся с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 мая 1932 г., поэтому необходимо поставить его на вторичное рассмотрение на ближайшем заседании Политбюро ⁸⁹. В тот же день, 10 июня 1932 г., Ярославский пишет Кагановичу, что предложения Данчаковой не выходят за рамки принятого ЦК постановления ⁹⁰.

Не в силах бороться с «окружением» и номенклатурой Наркомпроса, Данчакова в конце 1932 г. выезжает в Гейдельберг, а затем в Париж, чтобы продолжить серию начатых экспериментов. Из-за рубежа она пишет письмо Ярославскому, в котором сообщает, что ее просьба о выделении комнат и возвращении лабораторного оборудования до сих пор не выполнена. «Если я найду те условия, которые требуются для работы и которые так неожиданно и несправедливо были отняты, я радостно возвращусь и отдам все свои силы молодежи» ⁹¹, — не теряет надежду Данчакова.

⁸⁶ [Приказ по Наркомпросу РСФСР № 251, 20 мая 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 101.

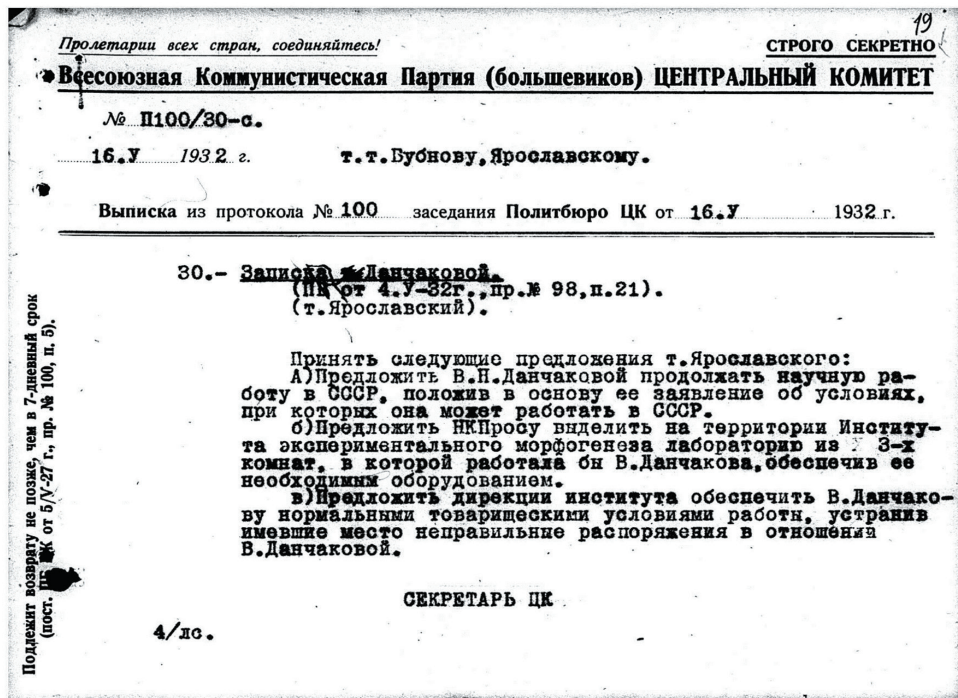
⁸⁷ Подробно о научно-организационной деятельности И. И. Агола см.: Романец О. В., Внесок І. Й. Агола у становлення генетики в Україні // Наука та наукознавство. 2011. № 4. С. 124–136.

⁸⁸ [Письмо В. М. Данчаковой Е. М. Ярославскому, 7 июня 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 104–105.

⁸⁹ [Записка А. С. Бубнова Л. М. Кагановичу с грифом «секретно», 10 июня 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 102.

⁹⁰ [Записка Е. М. Ярославского Л. М. Кагановичу, 10 июня 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 103.

⁹¹ [Письмо В. М. Данчаковой Е. М. Ярославскому, б/д. Дата регистрации письма — 29 января 1933 г.] // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 203. Л. 1.

Выписка из протокола № 100 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)
(РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 19)

Находясь в командировке со своим внуком, Данчакова приняла очередные повороты судьбы — ей отказали в разрешении на въезд в СССР. 16 декабря 1933 г. Данчакова направила секретарю Ярославского Голубович очередное письмо, где написала, что получила от дочери телеграмму о задержке визы на неопределенный срок.

Если моя готовность работать в Союзе неприемлема, я примирюсь с этим, в настоящую минуту я буду продолжать свою работу. Т. Поскребышеву я послала афишу своих лекций с просьбой получить разрешение повторить их в Москве [...] Дадут ли мне возможность хотя бы повидаться с дочерью? ⁹²

Этот документ хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде Центральной контрольной комиссии ВКП(б) (Ф. 613), к письму также приложена записка Бубнову, написанная собственноручно Ярославским, где он сбивчиво поясняет:

Речь идет о ненавистой тебе Данчаковой. ЦК (Культпроп), как об этом говорил т. Горохов, считает, что ей надо дать визу, но это зависит от НКПроса. Сделай распоряжение ⁹³.

⁹² [Письмо В. М. Данчаковой т. Голубович. Автограф, 16 декабря 1933 г.] // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 203. Л. 4–5.

⁹³ [Записка Е. М. Ярославского А. С. Бубнову. Автограф, б/д.] // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 203. Л. 2.

Бубнов изо всех сил сопротивлялся решению вопроса с визой Данчаковой. В 1934 г. на имя Ярославского пришло письмо из Бельгии, подписанное «Волик Данчаков»⁹⁴. Волик называет в письме Веру Михайловну «мамикой», но, как известно, он был ее внуком. Волик просит пустить их обратно в Советский Союз. При этом очевидно, что девятилетнему мальчику некоторые фразы надиктовывались в угоду «главному советскому атеисту».

Мамика говорит, буду в школе жить, а там молитвам будут учить, а я ничего в этом не знаю [...] Мамика мне рассказывала, как Вы всем богатым, которые ничего не делали сами, велели работать, а бедным, которые работали, дали хорошие квартиры [...] Дорогой товарищ Ярославский, прошу Вас пустить нас⁹⁵.

25 января 1934 г. Ярославский перенаправил это письмо Сталину и приложил записку с грифом «совершенно секретно», в которой сообщалось:

Посылаю Вам письмо маленького сына Данчаковой (дело Данчаковой разбиралось в ЦК). Она бомбардирует из Швейцарии письмами и телеграммами, прося дать ей визу на въезд. Дело это должен решить т. Бубнов, которому я и направил полученную телеграмму. Сама она американская гражданка.

С коммунистическим приветом, Ярославский⁹⁶

27 января 1934 г. Данчакова пишет письмо Ярославскому о том, что до сих пор не получила визу для въезда в СССР.

Насилу мил не будешь, и я понимаю, что Наркомпросу моя работа не мила. Еще раз обращаюсь я к т. Ярославскому, благодаря его за желание помочь в прошлом и прося еще раз не отказать мне в содействии – при новых условиях. Т. Бубнову я написала, что я при своем посещении не потревожу ни его, ни Наркомпрос. Обратиться в американское консульство за содействием я не вижу для себя возможности. Я не была там и не пойду. Если нужна подписка, что я не потревожу т. Бубнова, я готова дать. Но почему ко мне так непонятно жестоки? Помогите, дорогой т. Ярославский⁹⁷.

⁹⁴ Владимир Михайлович Данчаков (1925–1987) – сын Игоря Евгеньевича Гроздова и В. Е. Гроздовой (Лаврентьевой), внук В. М. Данчаковой. В детстве мальчика называли Воликом. Еще в младенческом возрасте его перевезли в Киев, к родственникам отца. После развода супругов Гроздовых В. М. Данчакова забрала Волика из Киева и усыновила, с тех пор он носил фамилию Данчаков. Впоследствии стал инженером-физиком, работал заведующим лабораторией Института клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения АМН СССР.

⁹⁵ [Письмо Валика Данчакова товарищу Е. М. Ярославскому] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 113.

⁹⁶ [Сопроводительное письмо Е. М. Ярославского на имя И. В. Сталина с грифом «совершенно секретно», 25 января 1934 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 112.

⁹⁷ [Письмо В. М. Данчаковой Е. М. Ярославскому. Автограф, 27 января 1934 г. Зарегистрировано 8 февраля 1934 г.] // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 203. Л. 12–13.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ ВНП(б)
Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР
МОСКВА, Центр, Ильинка, 21. Телеграммы ЦИК РКИ

ТЕЛЕФОНЫ. 112
Коммутатор ЦИК-РКИ
Для телефоногр. 5 93-87
круглые сутки
Справочный стол: 5-39 33
коммут. доб 10 и 111

Сов. секретно

На В/№ Дата 25 января 1934 г.
При ответе ссылаться на №

Тов. С Т А Л И Н У. - 12500

Посылаю Вам письмо маленького сына Данчаковой (дело Данчаковой разбиралось в ЦК). Она бомбардирует из Швеции письмами и телеграммами, прося дать ей визу на въезд. Дело это должен решить т. Бубнов, которому я и направила полученную от нее телеграмму. Сама она американская гражданка.

С коммунист. приветом *Ярославский* (Ярославский)

хв/2
161
Секретарь № 516-4

Вс. 1346

Сопроводительное письмо Е. М. Ярославского на имя И. В. Сталина с грифом «совершенно секретно» от 25 января 1934 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 112)

15 марта 1934 г. Ярославский пишет с визой «Ч. Срочно. Секретно» А. С. Енукидзе ⁹⁸:

Товарищ Енукидзе.

Дело с визой Данчаковой не сдвинулось до сих пор с места. Так как она американская гражданка, дочь ее ставит вопрос, удобно ли будет ей пойти по этому вопросу к Буллиту. Надо ли нам это? Я считаю упорство А. С. [Бубнова] в этом вопросе вредным. Прошу тебя ускорить решение этого вопроса.

С коммунистическим приветом.

Ярославский ⁹⁹

8 февраля 1934 г. Данчакова в очередной раз написала письмо Ярославскому, полагая, что он уже помог решить вопрос с визой:

Больших доказательств в своей преданности Союзу и готовности служить ему под руководством Партии, а также больших признаний научных достижений я представить не смогу. Прилагаю предисловие к моим лекциям, которые

⁹⁸ Азель Сафронович Енукидзе (1877–1937) — советский государственный деятель. Крестный отец жены И. В. Сталина Н. С. Аллилуевой. С 1922 по 1935 г. — секретарь Центральной исполнительной комиссии СССР. В 1935 г. проходил по обвинению в «кремлевском деле», был снят с поста секретаря ЦИК. В 1937 г. был арестован и обвинен в измене Родине и шпионаже, в том же году расстрелян.

⁹⁹ [Записка Е. М. Ярославского А. С. Енукидзе. С грифом «Ч. Срочно. Секретно», 15 марта 1934 г.] // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 203. Л. 14.

печатаются в серии академика Бореля, а также извещаю, что международным издательством Alcou и мною ведутся переговоры об издании периодического журнала *Lei Bases de la Serualit*. Мне кажется, я доказала и свою стойкость, и свою солидарность с созидательной работой Союза и Партии. Я прошу Вас, дорогой товарищ, принять и направить куда следует мою просьбу принять меня в активные члены Партии. Я буду просить Вас не отказать мне в Вашей личной рекомендации; от т. Курц и т. Уборевич я раньше слышала, что они не откажут мне в ней, когда я буду чувствовать себя достаточно подготовленной¹⁰⁰.

Вопрос с визой Данчаковой так и не был решен, Наркомпрос не желал возвращения «ненавистой американки». Она обосновалась в Европе, жила то в Швейцарии, то во Франции, то в Прибалтике. Проводила свои эксперименты в Институте радия (*L'institut du radium*) и Коллеж де Франс в Париже, в Литовском университете в Каунасе.

Тайной окутана ее жизнь до, во время и после Второй мировой войны. Встречаются самые разные сведения о том, где и когда она находилась. Т. И. Ульянкина пишет, что в 1937 г. Данчакова уехала в Америку, где продолжила цикл исследований по детерминации пола у животных¹⁰¹. Зять Данчаковой, известный математик М. А. Лаврентьев¹⁰², в листке по учету кадров, заполненном 5 ноября 1938 г., написал, что его теща — Данчакова Вера Михайловна, подданная США, в настоящий момент живет в Чехословакии. Связей с ней он не поддерживает, жена иногда получает письма¹⁰³.

Русский эмигрант Костицын так передает ответ Данчаковой на вопрос, где она находилась во время немецкой оккупации, заданный во время их встречи в 1947 г. в Париже:

Ответ был неожиданным: «О, у нас в Америке все было спокойно».

«В Америке? Когда же Вы попали в Америку?»

Ответ: «В самом начале войны»¹⁰⁴.

¹⁰⁰ [Письмо В. М. Данчаковой Е. М. Ярославскому. Автограф, 8 февраля 1934 г. Зарегистрировано 20 марта 1934. С грифом «секретно»] // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 203. Л. 15–15 об.

¹⁰¹ Ульянкина Т. И. Русские женщины — учредители Русской академической группы С. А. С. Ш // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная конференция, 2019 / Гл. ред. Д. Ю. Щербинин, Саратов: Амирит, 2019. С. 626–629.

¹⁰² Михаил Алексеевич Лаврентьев (1900–1980) — советский математик и механик, основатель Сибирского отделения АН СССР и новосибирского Академгородка. Академик АН СССР (1946), вице-президент АН СССР (1957–1976). Был женат на В. Е. Гроздовой (в девичестве Данчаковой), поэтому обсуждал в семье проблематику биологических исследований и поддерживал развитие в СО АН СССР исследований генетических и молекулярных основ жизни. В 1955 г. подписал «Письмо трехсот» с критикой деятельности Т. Д. Лысенко.

¹⁰³ [Личное дело кандидата в действительные члены АН СССР, забаллотированного в 1939 г., Лаврентьева М. А.] // АРАН. Ф. 411. Оп. 15. Д. 44. Л. 1–2.

¹⁰⁴ Лаврентьев вполне мог указать Чехословакию местом пребывания Данчаковой, руководствуясь личными мотивами. В то время она пересылала письма к дочери через разные страны, пользуясь услугами коллег и друзей.

Подтверждением этих слов Данчаковой является тот факт, что в 1942 г. она приняла участие в 10 симпозиуме по количественной биологии, который проходил с 10 по 20 июня в Биологической лаборатории в Колд-Спринг-Харборе по теме «Связь гормонов с развитием». В списке участников симпозиума, кроме имени, указано и ее место работы — Институт Бойса Томпсона (Йонкерс, штат Нью-Йорк) ¹⁰⁵, имеются фотография «Вера Данчакова со своим приемным сыном», сделанная во время работы симпозиума ¹⁰⁶, а в отчете о проведении симпозиума отмечено, что из-за войны ни одному ученому из Европы приехать на него не удалось. Так что, вероятнее всего, Данчакова действительно попала в США еще до начала Второй мировой войны.

Возможно, разгадывать тайны «русской американки» будет еще не одно поколение историков науки. Однако с большой уверенностью можно сказать, что Данчакова не прекращала свою научную деятельность даже в самых тяжелых ситуациях. Она умела совмещать в себе качества настойчивого исследователя, прагматичного управленца и привлекательной женщины. О том, что Данчакова была роковой дамой, говорит один из эпизодов, который приводит в своих воспоминаниях Костицын. Из-за нее состоялась дуэль между зоологом Г. А. Кожевниковым и эмбриологом Н. В. Богоявленским, но по счастливой случайности пуля отскочила от головы Кожевникова, и все обошлось без жертв ¹⁰⁷.

Стремление Данчаковой к научной и научно-организационной работе не затухло и в тяжелый период ее жизни, когда надежды на возвращение в Советскую Россию окончательно рухнули. Парижский период жизни Данчаковой был чрезвычайно плодотворным в научном плане. Она начала издавать труды по экспериментальной эмбриологии и гистологии различных ученых, выступая как редактор, подготовила и опубликовала несколько своих книг ¹⁰⁸.

В 1935 г. в журнале «Нейчур» Парижская академия наук перечисляла последние достижения своих сотрудников, и среди них были открытие факторов, определяющих положение половых желез у птиц ¹⁰⁹, обнаружение эндокринных пролифераций за счет зародышевого эпителия ¹¹⁰ и эквивалентности соматических тканей в гонадах птиц ¹¹¹, выявление различий чувствительности тканевых рецепторов

¹⁰⁵ Annual Report of Biological Laboratory. Cold Spring Harbor, NY, 1942. P. 33 (см. также: http://repository.cshl.edu/id/eprint/36624/1/CSHL_AR_1942.pdf).

¹⁰⁶ См.: http://archives.cshl.edu/R/73EEJTV4F4DVD9SI4JFB3TNVIN4C13E3IK51YT9BC2M8GPD8F-00061?func=collections-result&collection_id=1135&pds_handle=GUEST.

¹⁰⁷ Там же. С. 182.

¹⁰⁸ *Dantchakoff, V.* La cellule germinale dans le dynamisme de l'ontogenèse, Paris: Hermann & Cie, Éditeurs, 1934; *Dantchakoff, V.* Déterminisme et réalisation dans le devenir du sexe. Paris: Hermann & Cie, Éditeurs, 1935.

¹⁰⁹ Societies and Academies // Nature. June 8, 1935. Vol. 135. P. 970–972.

¹¹⁰ Societies and Academies // Nature. June 22, 1935. Vol. 135. P. 1050–1052.

¹¹¹ Societies and Academies // Nature. July 6, 1935. Vol. 136. P. 42–44.

к фолликулину на различных эмбриональных стадиях ¹¹², получение экспериментальным путем половой инверсии тестикулярного элемента в эмбриональном развитии птиц ¹¹³, принадлежащие Данчаковой. Ее имя наравне с именами других выдающихся ученых Франции было упомянуто Парижской академией наук на страницах того же журнала в 1936 г. в связи с работами по гормональной индукции самок ¹¹⁴, изучению роли плаценты в онтогенезе млекопитающих ¹¹⁵, поиску факторов, определяющих вторичные половые признаки ¹¹⁶, в 1937 г. — благодаря искусственному получению фримартинов (самок, напоминающих по ряду признаков самцов) у морских свинок ¹¹⁷, изучению полового детерминизма феминизированных самцов ¹¹⁸, генетических факторов определения пола ¹¹⁹, эффекта, вызванного 0,05 мгм тестостерона на гистогенез самок морских свинок ¹²⁰, влияния фолликулина на организм самцов ¹²¹, влияния женских половых гормонов на рептилий ¹²², в 1938 г. — в связи с исследованием роли гормонов в проявлении половых инстинктов ¹²³, механизма сексуальных отклонений, возникших в результате различных причин вирилизма (появления вторичных мужских половых признаков): при лечении тестостероном, при фримартинизме, при опухоли

*В. М. Данчакова в зрелые годы
(из личного архива М. М. Лаврентьева,
печатается впервые)*

¹¹² Societies and Academies // Nature. August 31, 1935. Vol. 136. P. 348–350.

¹¹³ Societies and Academies // Nature. July 20, 1935. Vol. 136. P. 119–120.

¹¹⁴ Societies and Academies // Nature. May 2, 1936. Vol. 137. P. 754–756.

¹¹⁵ Societies and Academies // Nature. August 8, 1936. Vol. 138. P. 258.

¹¹⁶ Societies and Academies // Nature. July 4, 1936. Vol. 138. P. 48–49.

¹¹⁷ Societies and Academies // Nature. February 20, 1937. Vol. 139. P. 342–344.

¹¹⁸ Societies and Academies // Nature. April 17, 1937. Vol. 139. P. 686.

¹¹⁹ Societies and Academies // Nature. August 21, 1937. Vol. 140. P. 333–335.

¹²⁰ Societies and Academies // Nature. March 20, 1937. Vol. 139. P. 521–523.

¹²¹ Societies and Academies // Nature. January 16, 1937. Vol. 139. P. 124–125.

¹²² Societies and Academies // Nature. October 23, 1937. Vol. 140. P. 737.

¹²³ Societies and Academies // Nature. May 21, 1938. Vol. 141. P. 943–945.

надпочечников¹²⁴, в 1939 г. — в связи с изучением роли фолликулина в половом гистогенезе эмбриона млекопитающих¹²⁵.

Вполне понятно, почему Данчакова с такой работоспособностью и умением быть хорошим организатором не смогла реализовать себя на родине, где в науку устремились народные выдвиженцы или бывшие революционеры, такие как, например, Лепешинская. Данчакова была финансово независима и находила нужные связи в партийном руководстве, что, естественно, вызывало зависть у коллег. Кроме зависти была еще и ревность, т. е. осознание разницы интеллектуального потенциала Данчаковой и большинства только что пришедших в науку, зачастую после окончания рабфаков или Института красной профессуры, специалистов. В отличие от них Данчакова в совершенстве владела английским, французским и немецким языками, имела за плечами огромный багаж знаний и экспериментальных умений, поддерживала связи с ведущими мировыми лидерами в области биологии. Кампания против нее, получившая в партийных кругах название «дело профессора В. М. Данчаковой», была инициирована не «злодеями от власти», а простыми научными сотрудниками, которых одолевала и зависть, и ревность к чужим успехам, и ненависть к независимым и финансово обеспеченным людям. Чтобы как-то навредить «богатой американке», некоторые «коллеги» Данчаковой не чурались писать на нее доносы, где явно содержались небылицы и наговоры: «При одном разговоре [Данчакова] проронила, что она настолько энергична, что у ней бы хватило силы убить даже т. Сталина»¹²⁶, — сообщал в ОГПУ и ЦКК ВКП(б) сотрудник лаборатории Данчаковой П. Т. Периков.

Данчакова скончалась от рака спинного мозга в Лозанне 22 сентября 1950 г., болезнь пришла к ней неожиданно, и смерть наступила быстро. В СССР осталась ее дочь Вера, у которой уже была своя семья. Надвигались годы Большого террора, иностранным гражданам было предписано выехать из страны. Чтобы не быть разлученной со своей семьей, она была вынуждена отказаться от американского гражданства. Затем «железный занавес» опустился окончательно. Ни попрощаться с умирающей матерью, ни похоронить ее Вере не позволили и заставили отказаться от наследства, чтобы не навредить карьере мужа. Советское научное сообщество надолго предало забвению имя неуступчивой Данчаковой, но зарубежные исследователи цитировали и продолжают цитировать ее достаточно широко.

Автор выражает огромную признательность за представленные материалы и помощь в подготовке статьи правнуку В. М. Данчаковой Михаилу Михайловичу Лаврентьеву и его супруге Марине Викторовне Лаврентьевой.

¹²⁴ Societies and Academies // Nature. July 2, 1938. Vol. 142. P. 47–48.

¹²⁵ Societies and Academies // Nature. January 21, 1939. Vol. 143. P. 128–129.

¹²⁶ [Письмо П. Т. Перикова в ЦКК ВКП(б), 13 мая 1932 г.] // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 31. Л. 97.

References

- Alekseeva, M. S., and Rusakova, S. E. (2019) Polovye kletki i polovye zhelezy: chto pervichno? [Reproductive Cells and Reproductive Glands: Which is Primary?], *Izvestiia Voenno-meditsinskoi akademii*, vol. 1, no. S1, pp. 6–9.
- Ariian, P. N. (1909) *Pervyi zhenskii kalendar' na 1909 g.* [The First Women's Calendar for 1909]. Sankt-Peterburg: Trud.
- Danchakova, V. M. (1905) Ob eksperimental'nom tsirroze pecheni [On the Experimental Liver Cirrhosis], *Russkii vrach*, no. 8, pp. 1–14.
- Danchakova, V. M. (1907) *K voprosu o neurofibrillarnom apparate nervnykh kletok i ego izmeneniakh pri beshestve: eksperimental'nye issledovaniia: dis. ... d-ra med.* [Towards the Problem of Neurofibrillary Apparatus of Nerve Cells and Its Changes in Rabies: Experimental Studies: Thesis for the Doctor of Medicine Degree]. Saint-Peterburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha.
- Danchakova, V. M. (1926) Organizatsiia samoobrazovaniia amerikanskimi universitetami [Organization of Self-Education in American Universities], in: Zarovniadnyi, N. (ed.) *Samoobrazovanie za granitsej* [Self-Education Abroad]. Moskva and Leningrad: Gosizdat, pp. 20–26.
- Danchakova, V. M. (1926) Rasprostranitel'naia rabota amerikanskikh universitetov i rabochie soiuzy [Extension Activities of American Universities and Workers' Unions], in: Zarovniadnyi, N. (ed.) *Samoobrazovanie za granitsej* [Self-Education Abroad]. Moskva and Leningrad: Gosizdat, pp. 30–36.
- Danchakova, V. M. (1926) Rasprostranitel'nyi otdel Viskonzinskogo universiteta v Madi-sone [Extension Department at the University of Wisconsin – Madison], in: Zarovniadnyi, N. (ed.) *Samoobrazovanie za granitsej* [Self-Education Abroad]. Moskva and Leningrad: Gosizdat, pp. 26–30.
- Dantchakoff, V. (1934) *La cellule germinale dans le dynamisme de l'ontogenèse*. Paris: Hermann & Cie, Éditeurs.
- Dantchakoff, V. (1935) *Déterminisme et réalisation dans le devenir du sexe*. Paris: Hermann & Cie, Éditeurs.
- Dantchakoff, W. (1902) Recherches expérimentales sur les voies acoustiques, *Bulletin de l'Académie royale de médecine de Belgique*, 4e série, vol. 16, pp. 240–261.
- Dantchakoff, W. (1902) *Recherches sur l'épiphyse des lézards (Lacerta viridis)*. Lausanne: Université de Lausanne.
- Kostitsyn, V. A. (2017) “Moe utrachennoe schast'e...” *Vospominaniia, dnevniki* [“My Lost Happiness...” *Memoirs, Diaries*]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Odintsova, I. A., and Rusakova, S. E. (2019) V. M. Danchakova – nezasluzhenno zabytoe imia [V. M. Danchakova, an Unjustly Forgotten Name], *Morfologiya*, vol. 156, no. 6, pp. 111–112.
- Odintsova, I. A., Rusakova, S. E., Gadzhiev, S. Z., and Kuzhen'iazov, A. A. (2017) Doktor meditsiny – gistolog Vera Mikhailovna Danchakova (k 140-letiiu so dnia rozhdeniia) [Doctor of Medicine and Histologist Vera Mikhailovna Danchakova (In Commemoration of the 140th Anniversary of Her Birth)], *Vestnik Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii*, vol. 59, no. 3, pp. 257–261.
- Pomelova, M. A. (2009) Eksperimental'no-morfologicheskie issledovaniia ontogeneza v laboratoriyakh V. M. Danchakovi i Iu. Iu. Shakselia [Experimental Morphological Studies of Ontogenesis at the Laboratories of V. M. Danchakova and Julius Schaxel], in: Postnikov, A. V. (ed.) *Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S. I. Vavilova. Godichnaia nauchnaia konferentsiia, 2008* [S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Annual Scientific Conference, 2008]. Moskva: IDEL, pp. 153–156.
- Romanets, O. V. (2011) Vnesok I. I. Ahola u stanovlennia hetetiki v Ukraïni [I. I. Agol's Contribution to the Development of Genetics in Ukraine], *Nauka ta naukoznavstvo*, no. 4, pp. 124–136.
- Savel'ev, S. N. (1976) *Emel'ian Iaroslavskii – propagandist marksistskogo ateizma* [Yemel'yan Yaroslavsky, a Propagandist of Marxist Atheism]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU.
- Societies and Academies (1935), *Nature*, August 31, vol. 136, pp. 348–350.

- Societies and Academies (1935), *Nature*, July 20, vol. 136, pp. 119–120.
- Societies and Academies (1935), *Nature*, July 6, vol. 136, pp. 42–44.
- Societies and Academies (1935), *Nature*, June 22, vol. 135, pp. 1050–1052.
- Societies and Academies (1935), *Nature*, June 8, vol. 135, pp. 970–972.
- Societies and Academies (1936), *Nature*, August 8, vol. 138, p. 258.
- Societies and Academies (1936), *Nature*, July 4, vol. 138, pp. 48–49.
- Societies and Academies (1936), *Nature*, May 2, vol. 137, pp. 754–756.
- Societies and Academies (1937), *Nature*, April 17, vol. 139, p. 686.
- Societies and Academies (1937), *Nature*, August 21, vol. 140, pp. 333–335.
- Societies and Academies (1937), *Nature*, February 20, vol. 139, pp. 342–344.
- Societies and Academies (1937), *Nature*, January 16, vol. 139, pp. 124–125.
- Societies and Academies (1937), *Nature*, March 20, vol. 139, pp. 521–523.
- Societies and Academies (1937), *Nature*, October 23, vol. 140, p. 737.
- Societies and Academies (1938), *Nature*, July 2, vol. 142, pp. 47–48.
- Societies and Academies (1938), *Nature*, May 21, vol. 141, pp. 943–945.
- Societies and Academies (1939), *Nature*, January 21, vol. 143, pp. 128–129.
- Ul'iankina, T. I. (2019) Russkie zhenshchiny – uchrediteli Russkoi akademicheskoi gruppy S. A. S. Sh. [Russian Women, Founders of the Russian Academic Group in the USA], in: Shcherbinin, D. Yu. (ed.) *Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S. I. Vavilova. Godichnaia konferentsiia, 2019* [*S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Annual Conference 2019*]. Saratov: Amirit, pp. 626–629.

Received: March 6, 2020.